

Александр Митронов

«В Тихом Омуте».

Книга Первая.

18+

Александр Миронов

«В Тихом Омуте». Книга Первая.

«Автор»

2026

Миронов А. Л.

«В Тихом Омуте». Книга Первая. / А. Л. Миронов — «Автор»,
2026

Закрытый населенный пункт, подведомственной организации — Средмаш во времена СССР. А как известно под «колпаком» свои права, свой суд и свои судьи. (В нынешние времена их стало ещё больше: ОАО, ЧИП, ЧП и пр.) И не только в Средмаше, но и любой колхоз, совхоз, тоже можно отнести к данной местечковой зоне. Поскольку там — до Бога высоко, до царя далеко. У Партии хоть и было всевидящее око, но в ней состояли опять же те, кто руководили этими производствами.

© Миронов А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
1.	7
2	11
3	13
4	18
5	20
6	22
7	25
8	28
9	34
10	36
11	39
12	41
13	44
14	46
15	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Миронов «В Тихом Омуте». Книга Первая.

Глава

Александр Миронов

Из трилогии «От Застоя до Настроя»

Книга Первая.

Роман

Мелодрама

«В Тихом Омуте»

Между двумя берегами

Угра протекает веками:

Летом спокойная, тихая;

Зимой льдами покрытая;

Весной, берега подмывая,

Бунтует, шумит, озорная.

МАЛ.

Всякую революцию задумывают романтики,
осуществляют фанатики, а пользуются её
плодами отпетые негодяи. – Томас Карлейль
(англ. Thomas Carlyle)

Республика, о которой в романе пойдёт речь, могла быть, а может быть существует и по сию пору, не имеет чётких границ, рамок, поскольку она или они могут быть всюду. Такие республики можно обнаружить как на периферии страны, так и в столице, у Кремля под боком. Конечно, они разного профиля, уровня, занимаемых площадей и народонаселения. Особенно там, где располагались и располагаются ведомства с неограниченной и ограниченной ответственностью. И где не всегда работают общегосударственные законы, уставы, а свои, местные кодексы, свой устав, которые созданы в этом микроклимате.

В таких закрытых анклавах микроклимат, несомненно, создаётся вокруг руководящего органа, деятельность которого накладывает свой отпечаток на коллектив в моральном и психологическом плане.

Если это объединение, ячейку возглавляет грамотная и порядочная личность, то складывается один морально-психологический климат и, следовательно, отношение к труду и отдыху. Но в таком сообществе может показаться жизнь скучной, неинтересной.

Если анклав возглавляет неординарная личность, то и жизнь в нём бурная, амплитуда которой колеблется от крайности до крайности. Но, зато тут жизнь веселей, эмоциональней.

В данном романе не будет вестись речь о конкретной личности и о конкретном сообществе. И интересующее нас место выбрано методом научного тыка. Извините, метод случайного попадания, не очень далёкое от центра, но и не в самой столице нашей Родины. Небольшой анклав, величину которого можно было бы найти на карте района, как точку или едва заметный кружочек. Однако мы привяжем его к определённому району и области, чтобы ориентироваться на местности. И назовём его по фамилии руководителя этого «удела», – как говаривали в

старину. И правильно. Ибо любой анклав, отгороженный какими-либо условными границами, являлся ранее удельным княжеством.

Ну, а поскольку есть определённый объект нашего исследования, то в нём могут быть и лица вам, читатель, чем-то знакомые. Однако, прошу вас ни с кем их не отождествлять. Совпадения, схожесть в поступках и характеры – чистая случайность. И в большинстве своём – собирательные образы. Ибо в данном изложении основная идея – это исследование самой жизни в отдельно взятом мирке, или уделе, и народность его населяющая. Исследовать всю, конечно, пятнадцатитысячную народность не берёмся, но с тремя-четырьмя десятками людей познакомить постараемся.

Чтобы не теряться во времени, начнём наше исследование с прошлого столетия, близкого к его пику, когда одна социально политическая система подходила к краху своего существования и вскоре свалилась в бездну нового удивительного, никем не предсказуемого государственного образования, которое большинство населения обновлённой страны назовут и обзовут непотребными словами. Хотя по содержанию чем-то схожее (по умолчанию) с выше-названными средами. Но исследование данного положения в романе тоже не будет являться самоцелью. Наша цель – жизнеописание граждан небольшого анклава, который мы и назовём – Республикой Татаркова. И раскатаем мы эту Республику аж на страницах трёх книг. Бумага ведь всё терпит. Главное – чтобы читатель вытерпел. И есть надежда, коли он вытерпел такие нашествия, как Перестройка, реставрация Капитализма, то, надеемся, пройдёт и эти испытания от первой страницы первой книги, до последней страницы третьей книги.

Почему мы присвоили ему название – Татаркова, будет понятно из повествования и в одной из ближайшей главы.

И начнём с любви... Поскольку это явление – неотъемлемая часть любого сообщества, значит, и романа.

1.

Без Шилина Маша Константинова затосковала, работа стала в тягость. Павел Павлович для неё на смене был и как старший товарищ, который всегда поможет в работе, и для той же моральной поддержки. И теперь она как будто бы осиротела. Даже Нина стала чужой, отстранённой. А о Васе Васильеве и говорить нечего – сонная сова, или панда. Хоть этот кошмар начался ещё при Шилине, однако, рядом с ним она чувствовала себя всё же более уверенней, защищённей. Но с первого апреля Павел Павлович ушёл на пенсию.

...За неделю до его увольнения, в устоявшиеся тёплые весенние деньки Маша пришла с транспортёрных галерей в пультовую. В ней находился и мастер смены. Маша обрадовалась ему.

– Филипп, отпусти меня на часик раньше, – попросила она.

– Куда это намылилась?

Молодая женщина двадцати двух лет, невысокая, миниатюрная. Её фигуру даже рабочая спецовка не искажала. Глаза голубые, задорные, ещё с полудетской искренностью. Волосы русые прямые, подстриженные под причёску «карэ». От вопроса мастера смутилась.

– Ребёнок приболел, дома один будет. Саша во вторую смену уходит.

– Ну, так пусть Сашка и отпрашивается на этот час. Он у тебя, где работает?

– Так на "Кирпиче", на фасовочной машине машинистом.

– Ну, вот, у своего мастера пусть и отпрашивается.

– Его заменить некому.

– А тебя, значит, есть кому? – усмехнулся Филипп. – Ты это какой раз отпрашиваешься?

И каждый месяц по два-три раза.

– У нас с ним смены так совпадают...

В пультовой третьего цеха они находились втроём: оператор пульта, она же и кочегар газовой печи Нина Притворина, мастер и Маша. Чувствуя, что Филипп серьёзно настроен отказать ей, Маша посмотрела на Нину, ожидая от неё поддержку. Раньше она даже заступалась за неё. Но сейчас помалкивала.

– Не-е, Машенька не могу. Каково вон Нинке, за себя и за тебя работать, – отрицательно покрутил он головой с упругой короткой причёской, доставая очередную сигаретку.

– Да Нине и не надо будет ничего там делать. Я уберусь, подмету в галереях.

Мастер дёрнул тёмной бровью, словно подмигнул, и ответил:

– Нет, Машенька, не могу. Я и так тебя часто отпускаю с риском для себя. Надо работать. Филипп, прикуривая, встал и направился из пультовой к уличному выходу.

Маша растерянно посмотрела на Нину. Та пожала плечами.

– Не в духе чего-то... Может после обеда отойдёт? Потерпи.

Время было десять часов. Может, действительно, у мастера изменится настроение после обеда?

Вторую половину смены Маша посвятила тщательной уборке. Вооружившись лопатой и метлой, начала убираться в помещении бункеров. Площадка была, по её прикидкам, квадратов пятьдесят. Здесь более-менее следили за порядком, хотя и подметали не каждую смену. Пыль на полу оседала постоянно от отсева, сыпавшегося с концевой транспортёра. Даже если произведена уборка за час до окончания работы, при сдаче смены на полу снова оседала пыльца. Только по её толщине можно судить, как давно она сметалась. Машенька и сама порой придавалась ленце, не всякий раз убиралась в бункерной. И не только она, все транспортёрщицы, и это расхолаживало их, невзирая на возраст.

Но сегодня Маша старалась. Везде убиралась с удвоенной тщательностью. Под транспортёрами лопатой убрала просыпи, и кучки на пересыпном узле, забрасывая их на ленту. Под-

мела в обеих галереях. Всё проделала так, чтобы и комар носа не подточил, то есть мастер. А с Ниной она договорится. Или с Палычем, в него она верила, не подведёт.

Притомившись, она вернулась на бункерную площадку, придирчиво осмотрела её. Потом зашла в будку транспортёрщиц передохнуть. Посмотрела на маленькие часики на руке – 14.45. Надо опять звонить Филиппу... Ведь отпускает Нину. Сам даже за неё остаётся. Никогда ей в упрёк ничего не говорит. А тут... Так, вроде бы мужик не вредный, но порой упрётся, как бык, ничем не своротишь и не уговоришь.

Маша, не торопясь, сняла с головы платок, выставила его за двери будки и несколько раз встряхнула. При уборке пыль оседала на одежду, попадала и в рот, и в нос, лицо слегка бурело от серой пудры, о респираторах как-то не задумывались, и потому после уборки женщины откашливались, высмаркивались, освобождая органы дыхания. Глядясь в маленькое зеркальце на стенке возле двери будки, Маша платком стряхивала с лица пылцу. Единственное, что ей нравилось после уборки – это ресницы. Реснички становились бархатистыми, объёмными, и глаза выразительными. И заметнее становились усики. Но это уже явный перебор. Если до уборки их не было, даже пушок не заметен, то тут он как будто бы отрастал, улавливая пылцу на себя.

Маша пришла в пультовую. В ней находились Нина и Павел Павлович, машинист молотковой мельницы. Отработав на шаровых мельницах более двадцати лет, потом на молотковых мельницах, от их шума и гула он стал слегка глуховат и от этого немного забавным. Всегда выглядел серым от ввевшейся пыли в его одежду, как, впрочем, все работники ДСЗ. Но у него эта особенность ещё подчёркивалась и головным убором, белой хлопчатобумажной кепкой давно ставшей серой. Он никогда не снимал кепочку ни на работе в цеху, ни за его пределами. Казалось, она приросла к нему, как и его лысина, которую он заботливо ею прикрывал.

Кепка так же служила и рушником, и платком. От частого пользования ею, особенно в горячие часы работы, она, намокая от пота, становилась ещё темнее, потом твердела, улавливая пыл в машинном зале, в приемке пневмонасосов, где приходилось молотком или кувалдочкой обстукивать трубы пневмолиний, чтобы встряхнут внутри, застрявшую пробку из муки. Приходилось подниматься и на бункера, особенно в ненастную сырую погоду. Часто по весне и осенью. Отсев шёл сырым, налипал на стенки бункеров, иногда виброустройства не помогали, не стряхивали, и тогда тоже не обходилось без универсального прибора – кувалдочки. При обстукивании стенок бункера, пыл плавно слетала со всех внешних уступов, уголков и швеллеров. Естественно, не пролетая мимо этого головного убора.

Бывал Павел Павлович и на транспортёрных галереях. Если стояла сухая погода, то воздух, проходя снизу-вверх, как по тоннелям, поднимал и пыл, кружил её, пусть не всегда приметную глазу, но хорошо улавливаемую материалом.

Если через неделю-другую Шилин не стирал кепочку, то она становилась жёсткой и цветом под стать той породе, что дробила и молола его мельница. После стирки, которую он производил во время купания в душевой, головной убор, высыхая на его же голове, белел, приобретал естественный цвет, хотя внешний вид её при этом не улучшался. Она старела быстрее хозяина. Слишком сложные задачи выпадали на её долю.

И ещё одна особенность наблюдалась за хозяином этого головного убора. Когда кепочка была на голове, Павел Павлович был спокойным и рассудительным. Когда же она по какой-либо причине отсутствовала, Шилин впадал или в меланхолию, или в возбуждение. Словно, вместе с ней, с него снимали и череп. Единственное время, когда он с ней ненадолго расставался – это на зиму. На два-три месяца её место занимала старая солдатская шапка, которая от многолетней службы от пыли и пота, стала напоминать каску, если не внешне, то по содержанию и по весу.

Шилин был простоват и наивен, хотя всегда хотел казаться серьёзным, разумным. Бывал он вспыльчивым, но отходчивым. Через час-другой, это уже прежний человек – если кепочка

была на месте, на голове. Ему шёл пятьдесят шестой год, и он с тоской поговаривал о пенсии. Раньше надеялся, что в пятьдесят пять лет уйдёт на неё по льготному списку. Как два или три года назад ушёл его товарищ Федя Борисов, машинист шаровых мельниц. И Шилин хотел переквалифицироваться в пастухи к своим козочкам. На даче держал двух ярок, и четырёх ягнят. И уж когда выйдет на пенсию – развернётся, увеличит поголовье. Сельскохозяйственную программу будет выполнять за себя и за тех, кому она не под силу. Но... не получилось. Администрация что-то тянет, не отпускает его на заслуженный отдых.

Павел Павлович сам не курил, и неодобрительно относился к курящим, особенно к женщинам. Принимал это за их распушенность.

– Не бабы пошли – шалашовки.

В смене хоть и держался особнячком, но Пал Палычу всегда были рады, и чтобы не создавать ему дискомфорт, старались при нём не курить. Опять же – женщины.

Мария не курила, и уж по одному этому Шилин к ней благоговел, и при необходимости всегда шёл ей на помощь, иногда и подменял её, если Машу отпускал мастер с работы раньше.

У Маши как раз выдался тот самый случай – нужно было обязательно уйти с работы. И тут помощь Палыча, выручка его, опять была очень кстати. Она ещё до обеда с ним на эту тему разговор заводила. И он с той же готовностью согласился.

– Но, – предупредил, – без разрешения Филиппа, я не могу тебя отпустить. Я хоть и хороший начальник, но, как видишь, маленький.

Застав в пультовой Нину и Шилина, Маша им обрадовалась. Присутствие единомышленников всегда окрыляет.

Маша спросила:

– Филипп не приходил?

– Нет ещё, – ответила Нина. – Через полчаса нарисуетя.

– Вы-то, Нина, Палыч, меня отпустите?

– Беги хоть счас. Но сама понимаешь... – развёл Шилин в стороны ладони, лежащие на столе.

– А если к Хлопотушкину подойти, отпустит?

– Михалыч отпустит. Это человек. Он завсегда идёт людям навстречу. Только он, это, опять же без мастера не сможет решить этот вопрос. Опять всё сомкнётся на Филе. Так что, Филька на смене и начальник, и добрый деятель.

– Добродетель, – поправила Нина в усмешке.

– Вот-вот. Иногда добрый, иногда одиозный, – (слышал где-то это словцо – *одиозный* – и понял его как ругательное или порицательное, но культурное.) – Так что, как расположишь его к себе. Вон, у Нинки спроси, как енто делается? – кивнул он на женщину.

Нина вскинула на него настороженный взгляд.

– Чего ты мелешь, мельник?

– Чего? Знаю чего, не проболтаюсь.

– Вот и помалкивай.

– Маш, я чё-нить сказал?

Маша, улавливая намёк, усмехнулась. Дёрнула плечиком, дескать, о чём вы?

Нина достала из нагрудного кармана куртки-спецовки припрятанную сигаретку, сунула её между губ, а из бокового кармана – спички.

– Ты ладно тут, курить. Иди вон, на улицу, – кивнув на уличный выход, сказал Шилин с едва уловимой виноватинкой.

– А у меня как раз здесь курилка. Видишь, и пепельница на столе, – она взяла с небольшого окошечка со стороны мельницы, с подоконника пепельницу из жестяной консервной баночки из-под шпрот и выставила на середину стола. В ней было несколько окурков и пепел.

Чувствовалось, Нина завелась.

– Ну ладно. Коли так, пошёл я.

– Иди. Там шнек стонет, смажь. Не то оба скрипите, чего ни попадя.

Пал Павлович поправил на голове кепочку, и чему-то добродушно усмехаясь, вышел. Выходов из пультовой было два. Первый – в цех, к печи, и состоял из тамбура с двумя дверями. Тамбур был построен тоже недавно, в целях гашения шума от мельницы и печи. Второй выход – через пультовую на улицу – аварийный, уже пробитый в стене после ввода цеха в эксплуатацию.

2

Нина Притворина пришла на дробильно-сортировочный завод (ДСЗ) почти сразу после школы. Лето "поошивалась" в областном городе, в попытках куда-нибудь поступить, даже сдавала экзамены. Но баллов не добрала. И не то, чтобы хуже всех сдавала вступительные экзамены, а вот одного балла не хватило. И что удивляло, вместе с ней поступали абитуриентки и с худшей подготовкой. Не заглядывая в аттестат, видишь, какая зафиксирована в нём зрелость. Однако ж, вот. Не она, а эти подружки как-то умудрялись проходить и учиться. Если, конечно, учатся.

Раздосадованная, Нина вернулась обратно домой, с упрямым намерением попытаться счастье на следующий год. Но, увы, вместо зубрёжки увлеклась другими занятиями, в результате которых пришлось выходить замуж. Гришка оказался парнем заводным и покладистым. Вернулся в посёлок после горного техникума, и на ДСЗ уже год отработал мастером. К нему она и попала в смену транспортёрщицей. Когда дружили, влюблялись, встречались, казалось, была влюблена. Оттого и не устояла перед ним. Буквально через две недели он сломал её сопротивление, правда, вялого при первых атаках, и горячих при ответных порывах. А там и беременность.

На вид Нину красавицей не назовёшь, но в ней с годами развился женский шарм, который проступал в улыбке, во взгляде. После родов она округлилась, но не до явной полноты, а в формах, которые сглаживали угловатость. И ещё она почувствовала в себе острую сексуальную потребность. Эта чувственность заводила её даже при кормлении ребёнка. Когда он брал сосок в ротик, сосал молоко – это были адовы муки, особенно мучительны, когда не было дома Григория. Порой ей становилось жалко мужа при гашении этих приступов. И даже после кормления ребёнка, груди оставались самыми чувствительными эрогенными зонами.

И однажды, уезжая со второй смены раньше, но поздно по времени суток, не ожидая даже от себя такого, вдруг согласилась прокатиться с водителем автобуса на берег Угры. Вечер, перетекающий в ночь, был тёплым, ласковым и как будто бы наэлектризованным какими-то молекулами, атомами ли, которые будоражили сознание, щекотали тело, особенно груди, растекаясь чувственностью по телу. До возвращения мужа со смены оставалось больше двух часов, и почему бы за это время не искупаться. О цели, ради которой отпустил её муж с работы домой, забылось. А причина – приезд её матери, та вернулась из Жиздры от старшей дочери, у которой провела остаток отпуска. Она позвонила зятю на работу под вечер и попросила отпустить дочь пораньше.

После этого купания тот парень ещё не раз вывозил её на природу, и пружина, которая когда-то притянула её к мужу, понемногу ослабла, стала податливой и к другим, при определенном подходе к ней.

Перешла работать в цех "Муки", где работала её мама. И тут нашла дополнительный допинг. Тут её слабость совпадала с наклонностями Филиппа. Научились проделывать эти мероприятия незаметно, по-тихому и на удовольствие. Позже Филипп увлекался и другими, но про неё не забывал. И это тоже совпадало с её интересами и запросами. И хоть проводились эти мероприятия скрытно, однако Шилин каким-то образом их всё-таки вычислил...

Вениамин Филиппов хоть и не считал себя большим специалистом в той области, в которой отработал уже пять лет, однако кое-какие специфические тонкости усвоил. Придя в цех слесарем в механическую бригаду, он вскоре перевёлся машинистом помольного оборудования. В то время ввели такую должность. До этого в смене было шесть рабочих должностей: машинист шаровых мельниц, машинист помольного оборудования, кочегар газовых печей, транспортёрщик(ца), сменный слесарь и мастер смены. Конечно, самих рабочих было втрое

больше, в каждой смене по шесть человек. Мехгруппа, слесаря и электрики работали отдельными бригадами.

О том, что означает новая должность (машинист помольного оборудования) никто никому не объяснял, и что она за собой влечёт, относительно вредности, и что даёт такая должность рабочему при выходе на пенсию. Главное, оклады сохранены. А тем более, на предприятии, относящееся к Среднему Машиностроению, то есть полузакрытому, а в отдельных регионах – секретному, тут не больно-то станешь проявлять интерес. Ведь любопытство не порок, но если его будет слишком много, то такому человеку помогут охладить его в местах прохладных, или подсушить в местах слишком жарких. И потому с давних времён люди полагались на образованность и компетентность соответствующих органов, в том числе и на инспекторов отдела кадров.

На подобного рода предприятиях, ОК имел при себе Особый отдел, где велась своя картотека на каждого работника – от уборщицы до Генерального директора. Или наоборот. И если последний и пара-тройка ответственных лиц имели к ней доступ, то для всех прочих – это был ларчик за семью печатями, и за белой металлической, как сейф, дверь. И, как представлялось, здесь могли работать только компетентные, только серьёзные люди, как и все работники Отдела кадров. Поэтому все кадровые и должностные изменения рабочими принимались за чистую монету.

Вениамин Филиппов, имя почему-то не прижилось в коллективе, и о нём как будто даже забыли, то есть Филипп – из слесарей перешёл в машинисты помольного оборудования по двум причинам. Первая – относительно спокойная работа и на одном месте. А с введением в строй второй очереди цеха "муки" и вовсе показалась комфортной. Следи за подачей масла на вал молотковой мельницы, за температурой на выходе из мельницы, кочегару печи делай указание – повысить или понизить температуру. В принципе, на смене машинист, что бригадир. И тут хоть маленькая, но власть, и работа полегче, чем у слесарей. Тем более в механической бригаде перспектив роста нет. А со среднетехническим образованием, пусть даже не по родственной специальности, болты крутить как-то...

Это была вторая причина. Филиппов два года назад закончил заочно техникум по специальности – электрооборудование сельскохозяйственных предприятий. Диплом получил, а вот знания... И потому не слишком-то рвался на данную профессию, в это электрооборудование. Даже преддипломную практику проходил, не покидая цех, а дипломную работу ему написали дипломированные (некогда) специалисты, отбывавшие наказание ИТК. Где работала начальником отдела кадров его жена. Но честолюбие диплом повысил. Тем более что двое выпускников из этого заведения, и почти одногодки, окончившие его ранее, работают механиком цеха и мастером смены – Ананьин и Холодцов. А слух прошёл, что с введением в строй третьей очереди цеха "муки", будет введены ещё три штатные единицы мастеров. Однако ввели лишь одну, старшего мастера, и та какое-то время была вакантной. Позже её занял Дончак, переведённый из начальников Горного цеха, потом Авдеев.

И будучи машинистом, а позже мастером Филипп уловил ещё одну возможность, которой можно пользоваться по-тихому и себе на удовольствие...

3

Спускаясь по металлическому трапу вниз на первый этаж, Шилин увидел мастера. Тот подходил к лестнице. Но, заметив машиниста, Филипп подождал, когда тот спустится.

Сойдя с трапа, Шилин сказал мастеру:

– Ты, это, отпусти девку-то. Я присмотрю за транспортёрами и бункерами.

– Посмотрим, – неопределённо ответил Филипп и спросил: – Как тут дела?

– В порядке.

В пультовую Филипп вошёл не торопливо, с деловым видом оглядел пульта.

На двух ящиках напротив входа, стоявшие большими тумбами под уличными широкими окнами помещения, на крышках, служащие панелями и пультами управления, горели зелёные огоньки. На них же находились во включённом положении чёрные рычаги-переключатели и пара тумблеров. Что указывало на то, что процесс подачи отсева в бункера идёт нормально и транспортёры включены. Затем оглядел вертикальный щит, возвышающийся от пола почти до потолка, и стоящий во всю стену от уличного окна, до окна печи. На нём вмонтированы приборы, отслеживающие работу мельницы, печи, бункеров. На диаграмме ровной синей ленточкой ложилась запись температуры в камере сгорания печи. Ровной чертой шла запись на другом приборе – температура на выходе из мельницы. Загрузку на неё показывал ещё один прибор, напоминающий циферблат часов, только значительно больше, и стрелка на нём колебалась с большой амплитудой. Приборы меньших размеров, казавшиеся не основными, его не интересовали.

Приборы указывали на спокойный процесс. Собственно, когда постоянно есть сырьё и нормальная загрузка, то и цех работает стабильно. Но ДСЗ и его второй поток вот-вот остановится – кончился камень. Машин нет.

Автобаза работает на пределе, и стоит одному БЕЛазу выйти из строя начинаются проблемы. Вначале на заводе, затем и в цехах "муки". А если два БЕЛазы встали – туши печь. И оставшиеся на линии машины поворачивают на первый поток. Хотя бы его обеспечить работой, менее производительный, но с запуском старых цехов больше мороки. Поэтому из двух зол приходится выбирать наименьший, хоть и малопродуктивный – останавливать второй поток ДСЗ и третий цех муки, но его мельница будет крутиться вхолостую в ожидании пуска второго потока.

Иногда останавливали и мельницу, поскольку в цехе какая никакая, а автоматика. И её легче запустить.

С этим известием мастер и пришёл, – предупредить об остановке цеха. Но не успел выложить эту новость первым.

Защёлкал селектор и из него послышался голос Дуни Кузякиной.

– Нин! Нина-а!

Нина нажала на чёрную кнопку переговорного устройства, представляющий собой небольшой ящик, прикрепленный к столу металлическими уголками, как ножками. В селекторе щёлкнуло, и Нина ответила:

– Толкуй!

– Шабаш девонька, приехали.

– Ну, у вас вечно – то приплываете, то приезжаете.

– Так организма такая, – хохотнула Дуняша. – Машин нет, ни везут, ни едут.

– И надолго?

Из круглого зарешеченного динамика отвечали:

– Похоже, до конца смены.

– Спасибо, обрадовала.

Нина отпустила кнопку и посмотрела на мастера.

– Ты с этим пришёл?

Тот кивнул и сел за стол.

– Эх, господя-а... – вздохнула она и достала из ящика стола дежурный журнал. Записала в нём изменения по режиму.

Маша выжидающе смотрела на мастера. Тот курил, не отводя от пепельницы взгляда. Поскольку цех останавливался, она была уверена, что нет причин удерживать её на работе. Можно уйти не в ущерб производству.

Но Филипп молчал.

– О, господя-а, – вновь произнесла Нина, отодвигая от себя журнал. – Вот и поработали. Ты не звонил в гараж?

– Звонил, – ответил Филипп. – У одного БЕЛаза ступица колёса полетала. Другой – на дороге разулся, баллон лопнул. Пока притащат в гараж, пока отремонтируют...

– А время-то... уж три часа доходит.

Упоминание о времени Машу подстегнуло. Она не выдержала молчание мастера.

– Филипп, ну как, отпустишь меня? Цех-то всё равно стоит.

– Я сейчас был на галереях. На первом наклонном, почему просыпи не убраны?

– Как не убраны? – удивилась Маша. – Я всё там убирала.

– Пойдём, покажу.

Филипп поднялся. Маша, недоумённо пожав плечиками, поднялась вслед за мастером.

Нина дёрнула бровью, провожая обоих. Её интриговала развязка. Сюжет этот ей был знаком, уже проходили такую сценку... Она хорошо понимала поведение Филиппа, его куражливость, задумчивую деловитость.

Они спустились по уличному трапу, обогнув здание цеха, пошли по дорожке, выложенной под окнами, как парапет, из тротуарных плит. Она заканчивалась на углу здания, далее тропинка, на которой в дождь – грязь по щиколотку. В ведра – рассыпавшаяся из отсева и пыли почва, как на солончаках.

Сейчас перед ними лежала натопанная дорожка к первому транспортёру, который поднимался от пересыпного узла галереи ДСЗ.

Маша беспокоилась. Ведь и часа не прошло, как она прошла везде с метлой и лопатой. Что он мог там найти?.. Может лента соскользнула с роликов?.. Как некстати!

Зайдя за здание цеха, где было тише, не так шумно, от доносившегося монотонного гула мельницы и воздушного приточного вентилятора, что стоит на входе в цех, Филипп приостановился.

– Маша, у меня к тебе... просьба...

– Какая? – приостановилась и Мария, глянув в ожидании на него.

Вместо ответа, мастер секунду-другую помедлил.

– Ладно, пойдём. Там... – и вновь пошёл по тротуарной плитке.

Но повёл не к наклонной галереи, а в цех, к его парадному входу, где стоял приточный вентилятор с большим диффузором. Он громко шумел, нагнетая по воздуховодам воздух с улицы в газовую печь.

Филипп первым вошёл в дверь, придержал её, и, как только Маша вошла, отпустил, – дверь под действием упругой резиновой накладки от транспортёрной ленты со стуком захлопнулась.

Они оказались в полутёмном коридоре, который слева освещался днём лишь одним окном со стороны маршевой лестницы ведущей на второй этаж, далее сумрак метров тридцать вглубь коридора до противоположной стены. Эта административная часть здания почти всегда пустовала. Изредка сюда заселялись временные рабочие из смежных организаций, киповец,

который большей частью рабочего времени проводил в своей каморке-мастерской. Но в целом – необжитое, пустующие строение в два этажа.

Маша поначалу, когда пришла работать в цех, боялась этого коридора, этого шумного входа. Заходила в цех через широкие открытые ворота машинного зала, или через их калитку. Но если и входила в этот коридор, то с кем-нибудь из работников. И то для того, чтобы под лестницей под краном обмыть обувь от грязи, особенно в межсезонную распутицу и дожди, при переходе территории ДСЗ. А ночью вообще боялась этого необжитого здания, пристроенного к производственному цеху.

Поскольку коридор был бесхозным, в нём набиралась пыль, тополиный пух, окурки. Войдя в него, Маша поняла: мастер прикажет прибраться и здесь. Уже в мыслях собиралась бежать наверх к бункерам за инструментом. Чем быстрее уберётся, тем быстрее сможет освободиться. И на автобус она успеет.

И она на него успела...

Филипп, пройдя по коридору вглубь, стукнул по предпоследней двери рукой с левой стороны коридора, по одной из пяти, та открылась. Кивком головы показал – входи. Правая сторона коридора была глухой.

Маша вошла в комнату, небольшую, квадратную, некогда бывшая бытовкой для смежных строителей, после которых остались старые фуфайки, кирзовые сапоги с обрезанными на треть голенищами. Тут же на полу валялись ветки от березовых метел, окурки. И подумала: придётся и тут заняться уборкой...

В комнате было тускло. Свет, падающий от окна, загораживали серая плотная бумага на нём и наклонная галерея транспортёра, восходящая наверх на здание.

Ещё секундой ранее в Машинной голове шевельнулось что-то тревожное, и будь рядом с ней кто-то другой, а не мастер, она поддалась бы инстинкту самосохранения, и была бы уже где-нибудь в машинном зале возле Палыча, или в пультовой у Нины. А то и на третьем этаже за бункерами с черенком от метлы или лопаты. Тут же был непосредственный начальник, и любая дикая мысль могла стать абсурдной, так как мастер имел право работницу приставить к любой работе на территории цеха.

Филиппу было тридцать пять лет, среднего роста, силен от природы и от упражнений, полученных в слесарной бригаде. И недурён собой. Брови густые, почти сходящиеся к переносице, из-под которых глаза срезали в душах женщин тонкий стебелёк устойчивости, и хоть не очень говорлив, однако же, в голосе звучали обволакивающие нотки. И Маша незаметно с интересом наблюдала за ним все эти месяцы. Но это был не более чем, подростковый интерес, или развивающееся бабье любопытство. Тем более тайное, никому неведомое.

Но Машенька ошибалась. Эти взгляды заметили. Нина вначале заревновала Филиппа. Но зная его не зависимый характер, смирилась. И даже стала подыгрывать ему, с интересом наблюдая за развитием событий.

– Чё, Филя, не девочку зуб загорел? – с язвительной усмешкой подначивала она. – Ишь, как напыжился.

– А тебе-то что, ревнуешь?

– Конечно. Боясь, мне не достанется, – натужно усмехнулась.

– Ничего с муженьком доберёшь.

– Ну, муж-то само собой, а любовник тоже человек родной и в этом деле не лишний.

– Не волнуйся, и тебе хватит.

– Только ничего у тебя не выйдет. Она Сашу любит.

– Ну и пусть любит. Я что, его отнимаю? Ты тоже своего Гришку любишь.

– Люблю.

– И меня?

– И тебя.

- Ох, и сучка ты.
- А ты кто? Кобель! За каждой юбкой вьёшься.
- Не за каждой, а какую хочу. А раз хочу, значит добьюсь.
- А потом что?
- А потом... как и с тобой. Буду помаленьку окучивать вас, по очереди.
- Э-э... Бессердечный ты болван. Сломаешь девчонке жизнь.
- Она у неё уже сломана, не я первый. И отстань, не доставай.

Нина отстала, глуша обиду и досаду. Но с того дня не спускала глаз с обоих. Скорее из спортивного интереса, притапливая ревность и надеясь, что Маша ему не поддастся, или он побоится её мужа Саши.

Филипп не спешил. Подждал. Надо создать предпосылки. И он знал, на чём молодых мамочек можно подловить – дети, их хвори, простуды. И Машенька не исключение. Через это прошла когда-то Нинка, тогда ещё работая в старом цехе, а он бригадиром на смене. Затем ещё одна, тоже Нинка. Но та быстро уволилась. И лишь одной молодке удалось увернуться, а потом и уволиться, но по другому поводу, семейным обстоятельствам.

Бабёнка казалась разбитной, и, казалось, доступной. Любила покурить, побалагурить. Фривольных тем не избегала. И материлась на уровне слесарей. В перемигущки играла. Позволяла иной раз прижимать. А на деле... как дала по физиономии – думал, челюсть вышибла. Хорошо, что не оцарапала.

– Ещё раз полезешь ко мне в штаны – на тебя сверху с площадки бункеров какой-нибудь ключ упадёт, или била от мельницы. Паскудник.

Филипп от неё тут же отстал, но уж спуску не давал, и когда бригадиром был, и когда мастером смены стал. Нашла коса на камень. И она уволилась.

С тех пор он был расчётлив, терпеливым. Теперь он приручал Машеньку. Давал ей послабления и в работе, и в отгулах, в преждевременных уходах с работы. Оставался сам за неё на смене или Палыча "пристёгивал", слагаясь на срочные административные или организационные мероприятия в старых цехах. Уходил. И Палыч, добрая душа, всегда шёл навстречу Машеньке.

Надо девушку психологически привязать к себе, да так, чтобы она и опомниться не успела. Как в той сказке, где кто-то там и опомниться не успел, как на него или на неё медведь насел. А когда подойдёт тот момент, когда нужда, необходимость ли сильно прижмёт, и девочка будет отпрашиваться, тут он её и ломает. И пока же всё шло хорошо. Он ей потакал, и она его не раз благодарила, правда, устно. Но пора и меру знать. Спасибо не булькает и не шевелится.

Он как-то в шутку сказал ей на её благодарность:

– Спасибом не отбудешь, пока натурой не отслужишь.

Машенька зарделась, глазки округлились, но как будто бы не испугалась, приняла за шутку. А он подмигнул ей. Она ещё больше смутилась.

Но пора переходить и к действиям.

...Филипп, закрывая за ними двери в комнатку, ещё раз выглянул в коридор, – на всякий случай. Вдруг кого поднесёт не в урочный час.

Маша, оглядываясь и прикидывая примерное время, что потребуется для приборки в комнатке, успела спросить:

– А что тут надо делать, обратиться?..

Но слова её потонули не то в испуге, не то в удивлении, и возглас застрял в жёстком поцелуе. А тело, грудь, казалось, сдавило с такой силой, что спёрло дыхание. Она задохнулась. И если бы он не ослабил губы, то она, наверное, действительно потеряла сознание. Бурная, горячая волна окатила её и оглушила. Но это был первый приступ на грани возмущения, при котором, возможно, она бы и могла справиться с собой, возможно, нашла бы силы оттолкнуть Филиппа. Но вторая, на грани возбуждения намного мощнее, отняла у неё силы, парализовало

тело до постыдной слабости, при которой его руки были уже полновластными хозяевами на её теле.

Левая рука, лежавшая на её спине, зашла под подол курточки и почти без усилий спустила с бёдер свободные и широкие рабочие брюки на резинке. Она горячим телом ощутила, как они беспрепятственно сползли по голым ногам. Но падения их не расслышала, так как правая рука, проникшая в плавки, оглушила её. Маша уже не осознавала реальности, словно в неё ввели сумасшедшую долю транквилизатора. А любое её движение упреждала левая рука, прижимая, казалось, с невероятной силой к груди Филиппа. И поцелуи... но даже они не так были страшны, как рука, её пальцы... они разбойничали в её гениталии. Маша безвольно оседала в его объятьях.

– Да будь ты проклят...

Но она уже не могла понять – откуда этот голос?

4

Филипп пришёл в пультовую, как ни в чём не было. Показатели приборов уже стояли в крайнем правом положении, кроме температурного от печи – его кривая медленно съезжала к наименьшим значениям.

На ящиках у окон горели красные лампочки, и рычаги были повёрнуты в обратную сторону – транспортёры остановлены. Всё это он охватил привычным взглядом.

Еще, будучи в "комнате свиданий", так он про себя называл этот запущенный до крайности раёк, слышал, как остановились транспортеры, как затихала печь, шум подачи газа в неё. И как Нинка прикрывала жалюзи на приточном вентиляторе, проходя к нему через коридор. Этот момент его немного напряг, ведь могла заглянуть и к ним, местечко для неё "прикормленное". Ему-то её появление не опасно, а вот Машеньку могла вспугнуть. Но всё обошлось.

За столом сидела Нина и от нечего делать, болтала по телефону.

Вскинула на Филиппа взгляд и усмехнулась. Положила трубку.

– Что, крепость пала?

– А то.

Нина осуждающе покачала головой.

– Не сносить тебе головы.

– Почему? – спросил Филипп вроде со свойственным ему спокойствием, но Нина уловила вибрацию в его голосе.

– Сашка тебе её сшибёт.

– Хм. Гришка сшиб?

– Я промолчала. И потом, ты мне давно нравился. Но я не знала, что ты такой бесбашенный. Думала, тебе нас двоих хватит.

– Кого это?

– Ну, жены и меня. Или что, мы все разные?

– Ничего вы не разные. Разные только до первого раза, а там все едины.

Их разговор прервал звонок телефона. Нина подняла трубку.

– Нина, Филипп там? Дай ему трубку, – услышала она голос с небольшой скороговоркой начальника цеха Хлопотушкина.

Нина, сказав: – Тут, – протянула мастеру трубку.

– Слушай, Филя, завтра дай кого-нибудь в бригаду Миши Холодцова на картошку направь.

– Так кого ж я дам? У меня и так в каждом цехе по одному человеку снято, кто на картошку, кто на пахоту, кто на ремонт скотных дворов, – проговорил Филиппов недовольный таким решением начальника.

– Ну, не знаю. Не могу же последних слесарей отдать в колхоз. Третий стоит?

– Только что остановили.

– Вот и пошли кого-нибудь из него.

– А завтра как? Не, ну Михалыч, это ж грабёж!

– Слушай, Филиппов, ещё слово скажешь, я тебя знаешь, куда направлю?

– Догадываюсь...

– Вот-вот, к нему на собеседование, на осознание насущного момента. Партия сказала, Родион Саныч ответил – есть! Если никого не найдёшь, поедешь сам. Понял?

Разговор уже приобретал серьёзный оборот, и последние слова надо понимать, как приказ. Тут уж не о производстве должна душа болеть, а о колхозе. И Хлопотушкин его выразил жёстко. Сельхоз работы генеральный директор держал под своим непосредственным контролем. Не увильнёшь.

– Понял, Виктор Михайлович. Сейчас подумаю.

– Ну, думай. Чтоб завтра к восьми ноль-ноль человек был на площади перед Поссоветом. Там найдёт Холодцова и пускай вливается в его бригаду. С собой пусть не забудет "тормозок", а то голодным останется, и ведро.

– Понял.

– Я бы так не настаивал и сам ни за что не отдал бы человека, но заболела Валентина Козловская. Сердце прихватило. Подгузин звонит, говорит: с твоёго цеха, вот и ищи замену. Так что выручай. Пусть кто-то из твоей смены постоит за честь цеха, – мрачно пошутил Хлопотушкин и отключился.

– Понял... – произнёс Филипп и передал трубку Нине.

– Что, в колхоз? – спросила она, кладя её на аппарат.

Мастер вскинул на неё взгляд. Спросил:

– Поедешь?

– Да хоть счаззз!

Он дёрнул в усмешке головой.

– Ты, как пожарная машина – на любой пожар готова.

– А почему бы нет. Вольный воздух, погода, как на Черноморском курорте... Перебирай картошечку в буртах, сортируй, нарежь её... милое дело. Мечта. Может там, какого колхозничка на часок найду...

Филипп опять усмехнулся.

– Не-ет. Ты мне тут нужна. Печь без тебя скучать будет, я.

– Ну, раз так, я остаюсь. Мне без тебя тоже скучно будет.

– Тогда после работы, сходишь к Маше домой и передашь ей распоряжение начальника цеха. В бригаду Холодца. И чтоб с собой прихватила что-нибудь покушать. Кормёжка там за свой счёт.

– А почему я? – с деланным удивлением спросила Нина.

– А кто? Я?

– А почему бы нет? По горячим-то следам, пока муженька дома нет, и заглянул бы.

Филипп, глядя продолжительно на женщину, покачал головой.

– Э, нет. Зачем рисковать и девушку в неловкость вводить? Мы ж с понятием, – подмигнул собеседнице.

– Ладно, схожу, – пообещала Нина, и спросила: – Что мне за это будет?..

Филипп, закинув руки за голову, потянулся. Позевнул с ленцой.

– А что будет? Плата одна: у вас со мной – у меня с вами. Пошли.

И, выходя из пультовой, сказал ей:

– Когда будешь убираться у печи, уберишься в той комнате. А то как-то неудобно в ней с дамой встречаться.

– Ага, счаззз... У тебя теперь есть, кому там прибираться.

– Её не будет и неизвестно сколько. Неужто тебе самой-то непротивно?

– Ланна, уговорил. Ох, умеешь ты нашего брата уговаривать.

Он поправил:

– Сестёр, – и направился к уличному выходу. Она к печному.

Так было безопаснее и менее подозрительно. Вышли порознь, и сбежались за глазами. Тем более в цехе никого, кроме Палыча, да и тот стучал кувалдочкой где-то в прямке, проверяя пустоту трубопроводов. Опорожнились ли они после остановки цеха?..

5

Маша с работы не шла – бежала. Казалось, её ноги уносили не от грязи и от цеховой и заводской пыли, а от скверны. На территории ДСЗ после дождей даже грязь непролазная безобиднее, поскольку в ней измазывались лишь ноги, и даже не они сами, а обувь, резиновые сапожки. Каким бы слоем она не налипала и как бы глубоко она не засасывала, её тут же смоешь при входе в цех под той же лестницей мрачного коридора, под краном с водой. А пыль, какой бы въедливой и удушливой не была, она стряхивалась, откашливалась. Тут же всё тело, казалось, измазано, оплёвано, поругано. Словно на него накинули вторую кожу в коростах с трупными язвами.

Тело хоть и не чесалось, но его хотелось мыть и мыть, с мылом, с мочалкой, и хоть с порошком. В душевой она уже проделала это, и тщательно. Но та процедура помогла лишь на какие-то минуты. Стоило выйти из душевой, Машу вновь охватывало состояние омерзения. Словно в воздухе витали неосязаемые пылинки и подтравливали сознание. Казалось, вокруг неё создалась обволакивающая плотная аура, и она преследовала, удушала, угнетала. Маше хотелось бежать из этого цеха, завода. Вынырнуть как можно скорее из этой удушающей атмосферы. Но куда убежишь от самой себя? От стыда и унижения? Этого не даст сознание, память...

Она едва успела на служебный автобус. И это к лучшему. Не пришлось болтать с работницами, перетирать чьи-то косточки, когда свои, кажутся, обнажёнными и торчат сквозь одежду. И было не до смеха, не до разговоров. Было вообще не до чего, ни до самой жизни. Если бы не дочь, она бы, наверное, умерла, оставшись в той комнатке одна.

Филипп, проявляя приливы нежности, чувственности, целуя её, на прощание сказал:
– Приводи себя в порядок и чеши домой. В пультовую не заходи.

Она осталась одна, среди старых фуфаек на широкой лавке. Среди всей этой мерзости запустения. Среди разбросанных березовых прутьев от метел на полу. Их привозят в цех для уборки помещения и территории, складируют здесь.

Кроме спавшего в ней жара возбуждения, наступил такой прилив презрения к себе, что, казалось, из такой грязной ямы есть лишь один выход – нырнуть в бункер головой и лететь вместе с отсевом в мельницу под била на измол. Никто не найдёт, и никто не узнает, где она и о тех чувствах, какие переживает её душа и поруганное тело.

И она, охваченная тем чувством, была готова на этот шаг. Но в ней толкнулась... любовь к маленькому существу, толкнулась смехом. Почему-то дочка именно смехом, заливистым, звонким предстала перед ней. И он отозвался в душе малиновым звоном, как поётся в песне. Он и удержал, приклеил к лавке.

Среди сумбура и хаоса мыслей и чувств одна лишь мысль теперь ею владела – бежать! Бежать из этого кошмара.

Этот порыв и двигал. Но слишком след явственный, слишком вязкий. Не-ет, больше она в цех ни ногой...

Автобус был, как всегда переполнен. Машу, когда она протискивалась в него, протолкнули почти в середину салона, где она нашла поручень спаренного сидения и ухватилась за него. Встала, глубоко с облегчением вздохнув. Но тут же ей захотелось от него отдалиться и вернуться в толпу. У окна на спаренном сидение увидела свекровь! Та смотрела в окно и не заметила Машу.

И Маша тоже поспешила её не заметить. Откуда она? Ведь должна быть на работе, сама же Сашу предупредила, что не сможет с внучкой посидеть до прихода Маши, а тут сидит в автобусе и едет в посёлок. Тут такое пришлось пережить... а она сидит себе преспокойненько,

в окошечко поглядывает. Ведь не иначе как к ним едет. Неужто нельзя было позвонить, сообщить! Ни ей, так Саше на работу...

В Маше волной поднялось возмущение, смешанное с обидой.

Отошла она от этого сидения и из-за внутреннего испуга. Побоялась, что Галина Васильевна может по её состоянию, узнать приключившееся с ней несчастье. Казалось, стыд и позор на ней отпечатаны и красной и белой краской. Её, то окатывало горячей волной, то бросало в холод. Поэтому постаралась быть подальше от свекрови, пытаясь затеряться в толпе.

6

Отношения с матерью Саши как-то сразу не заладились. Галина Васильевна работала на базе ОРСа старшим товароведом. Место работы и должность сильно подняло её над обывателями республики Татаркова, как называли остряки посёлок. Она вела весь товар базы, и, следовательно, любителей дефицитов.

Свекровь всегда одевалась хорошо и выглядела модно. Одевала и мужа, он работал на стройке прорабом, двух сыновей и дочку в вещи, которые не всегда были доступны даже в областном городе. За такими товарами в республику приезжали отовсюду. Конечно же, из тех, из нужных людей предприятию и личных приятелей, заранее предупреждённых о новинках и дефицитах. Невестка выпадала из зоны её заботы, но, однако же, не упускала случая бросить неодобрительный взгляд на её вид.

Маша, выйдя из автобуса, тут же нырнула в парковую зону и, скрываясь за рядом акации, тянувшейся вдоль улицы, и деревьев, создающие тень в парке, поспешила по аллейке параллельно с улицей Ленина. Ей хотелось быть первой дома, и выйти навстречу к бабушке, как ни в чём не бывало. Дескать, и без вашей помощи обходимся...

Всё так и получилось. Бабушку они встретили вдвоём с дочкой.

Галина Васильевна с внучкой была всегда ласкова, баловала её сладостями, игрушками. Но при этом с таким видом, как будто мамы девочки нет и бабушка с внучкой вдвоём. Она могла даже не отреагировать на вопросы невестки.

Саша, придя из армии, должен был жениться на подобранной ему девушке. Родители невесты тоже принадлежали к местной элите. Но дети не всегда могут достойно оценить заботу родителей, и, Саша, проявляя характер, уехал в Калугу, где устроился на "Турбинку". Возвращаться в Бауманский институт не захотел. Всё делал как будто бы им назло. И женился вскоре – по их представлениям – тоже им назло на первой подвернувшейся девушке. Молодые и на самом деле познакомились в общежитии, ранее не зная, и не ведая о существовании друг друга.

Маша полюбила мужа искренне, всем своим юношеским порывом, и была очень счастлива. Но возникла жилищная проблема. В городе от завода перспектива получения квартиры светила далёкой призрачной надеждой – дай-то Бог к пенсии. А в ближайшем недалёком – предстояло рождение ребёнка. И поэтому Саша решил возвращаться в Татарково. Там хоть через год-другой, но какое-то жильё получают – дома строятся интенсивно, и бывает, говорят, так, что жилплощадь выделяется даже больше положенной нормы на человека. И к тому же мама с папой, смирившись со своеволием дитя, обещали приютить у себя молодых и поспособствовать в получении временного жилья из обменного фонда.

До получения заветных квадратов разместились в предоставленной им комнате в четырёхкомнатной квартире, предварительно выселив из неё младшую сестру Саши Мариночку. Конечно, первое время хоть и временные неудобства, молодые создали. Но, не возьмёт лихота – не возьмёт и теснота... Средний сын Иван ещё служил в армии.

Маша не работала, и по столь благоприятному совпадению незаметно перешла на роль домработницы. Сама, будучи не обделённой житейской мудростью, хорошо поняла свои обязанности на время проживания в данном сообществе. В течение дня следила за чистотой и порядком в квартире, и на кухне руки находили себе занятия. К возвращению взрослых с работы, на столе был готов ужин, состоящий из борща с мясом, супа ли с вермишелью или гороха, или уха. Из холодных закусок – винегрет, салат. В годы дефицита на мясную и молочную продукцию, холодильник и маленький морозильник "Морозко" не знавали пустоты. Маша не была искусницей в поварском деле, но чему обучилась, живя с мамой, и то, что при безработной жизни, казалось, проходило мимо её внимания, теперь восстанавливалось в памяти и находило место на обеденном столе.

И, как ей казалось, аппетит её блюда не понижали. Особенно свёкор, Николай Иванович, часто нахваливал Машу, выходя из-за стола.

– Спасибо, Машенька, всё было очень вкусно. Замечательно.

Но вскоре ей стал мешать токсикоз. С трудом приготовив еду, она пряталась у себя в комнате. А за месяц до родов просто боялась кухни. Боялась, что вместе с желудком из неё вытравит и плод. Старалась больше бывать на улице, выходить на балкон. И хоть зима была суровой, она на воздухе чувствовала себя лучше.

Но, когда пусто в желудке, тогда становится тесно мыслям в голове, особенно претенциозным. К тому времени Галина Васильевна уже призабыла о сопровождающих беременность недугах, или их тяжесть, и на бездеятельность невестки поглядывала с осуждением. Иногда и высказываясь в её адрес:

– У девочки, похоже, лень вперёд её народилась. – Или: – Да какой там токсикоз?.. Знаем, что это такое, переживали и не раз. Да, Шурик, хлебнёшь ты ещё с ней ушицы по самые ноздри. Не послушал нас, вот и попал, как кур в ошип.

Умонастроения мамы живо отпечатывались на промокашке, и она, Маринка, без стеснения высказывала свои претензии и недовольство по содержанию квартиры, особенно за неприготовленную пищу. Придя со школы и не найдя на кухне готового обеда, она входила бесцеремонно в комнату к молодым, навалясь плечиком на косяк двери и, сложив руки на груди, спрашивала:

– Ну и чем ты тут занималась, что жарчки не приготовила?

Маша вначале пускалась в объяснения, при этом иной раз, преодолевая приступы тошноты даже при упоминании о еде.

– Не могу, Мариша. Всю, до кишок выворачивает... Прости. Посмотри там, в холодильнике что-нибудь сама. Поджарь себе яичницу, колбаску.

Девочка презрительно фыркала и уходила.

Потом Маша отвечала уже с вызовом:

– Читала. Во, смотри – повесть "О настоящем человек"! – бросая на стол томик "граф Монте Кристо".

Но девочка всё равно не понимала, и Маша уже более откровенно, едва ли не со злостью, выражалась.

– Рыгала! А если будешь со жарчкой приставать, то прямо здесь, перед тобой рыгалет устрою. Облую тебя, как верблюд Хмыря...

Маше нравился кинофильм "Джентльмены удачи", и с досады она ввернула эпизод из фильма, где верблюд оплевал Савелия Крамарова в роли Хмыря.

Маринка делилась своими впечатлениями с мамой. Обе оставались при своём мнении. Мама доводила его до уха сына, а тот, интересуясь состоянием Маши, делал ей замечания, хотя и не грубые, но для болезного болезненные.

– Они не понимают, ты-то должен меня понять! Я сама давно не ем нормально, почти голодаю. За мной бы кто поухаживал, а тут им разносолы подавай. Не обижайся, не могу. Или они хотят, и ты тоже, чтобы я вместе с рыгалетом и ребёнком стошнила?..

Саша понимал. Но те, что за дверью, сочувствия не проявляли.

Маша старалась из комнаты не выходить, не видится с домочадцами, особенно в часы, когда муж находился на работе. За полугодовое совместное проживание новые родственники, особенно родственного пола, стали первыми же недоброжелателями. И свекровь всё проделала, чтобы побыстрее выселить молодых из своих апартаментов, не бедных по местным меркам.

Проделать выселение молодых опять-таки удалось, благодаря отношениям с начальницей ЖКХа. Предприятие выделило им однокомнатную квартиру в старом доме из обменного фонда на улице Пионерской.

– Через год-два получат в новом доме, – сказала Стародубова. – Дома строятся, посёлок расширяется. Того гляди, скоро статус города получит, население уже за пятнадцать тыщ перевалило. Да и получил бы уже статус, да Родион Саньч не хочет.

– Почему?

– Так пока мы – посёлок, налоги как с сельского поселения. А станем городом?.. Лучше лишнюю тысячу, а то и десятки тысяч пустить на новый дом.

В действительности, в действиях начальника ЖКХа ничего предосудительного не было. Подменный фонд, собственно, для того и существовал. Его, то расселяли, то вновь заселяли. Для вновь прибывших специалистов из других городов, молодых специалистов по направлению из ВУЗов, из техникумов, которых и по общесоюзному Положению предприятия обязано в течение двух лет обеспечить жильём. Только кто-то чуть раньше в него вселится, кто-то – чуть позже... А тут человек на предприятии проработал полгода, как ему не предоставить жильё?

Рождение дочки и это жильё – как не подарок судьбы! То есть свекрови. Но эти тонкости молодые не знали, да и не положено им знать.

При переезде на новое место жительства, в вещах, быть может, в какой-то из коробок или коробочек, шкатулочке, а, может, за пазухой, перевезли и тень недоброжелательности друг к другу: у Маши – к свекрови, у свекрови – к невестке. Она незримо присутствовала где-то рядом, и нет-нет, да и накладывалась на взаимоотношения Саши и Маши. Муж, он же любящий сын, несмотря на их тонкие отношения, заходил к родителям, а по возвращении впадал в задумчивость. Был угрюмым. И Маша, понимая причину его состояния, спрашивала с участием:

– Саша, всё ли у родителей в порядке? Как учится Маришка?

Он отвечал бесцветным голосом:

– Ничего, всё нормально. Тебе привет передают.

Хм, уж на привет мы никак не рассчитывали...

7

Галина Васильевна, одарив внучку лаской и плиткой шоколада, потрепав её светлую головёнку, украшенную большими бантами и слегка подтолкнув девочку к маме, сказала:

– Ну, раз ты с матерью, то я побежала. Пока, моя хорошая.

Не кивнув на прощание невестке, ушла торопливой походкой. Внучка очень походила на папу. Это и умиляло, привязывало к ней бабушку.

Маша взяла дочь за ручку, и они вернулись домой.

Когда видимые неприятности удалились, Маша облегчённо вздохнула. Но тут вновь стали накатывать внутренние переживания, пережитые ею двадцать минут назад.

Однако, после встречи с матерью Саши, эти переживания как будто бы приослабли. Словно, она оказалась между двух зол, которые как бы уравнивали её состояние, и первое зло казалось не таким уж трагичными. А присутствие дочери, как её недавней спасительницы от летальной мысли, приободрило. Да и вечер был хороший. Гулял лёгкий ветерок, играл в вершинах тополей, подгонял на улице прохожих, опахивал свежестью и в квартире. И солнышко тёплое, ясное, на небе – ни облачка.

Как бы не были мысли тяжелы, но на первом месте всё же оставались забота о семье: о дочери и о муже – надо готовить что-то на завтрак, Саша в полночь придёт с работы.

Но за делами нет-нет, да и обжигали мысли о произошедшем. Особенно обжигающими были два вопроса: что делать? как сказать мужу?.. Из рук едва не выпадали продукты, посуда. Ноги подкашивались, и она торопливо приседала. И ещё потому, что всё чаще стали накатывать тактильные ощущения. Если раньше их глушили эмоции, то теперь уже просыпалась чувственность и к стыду своему они становились не столь омерзительными, в сравнении с прежним состоянием. И Филипп стал проявляться в сознании не столь грубым и отвратительным. И даже начали прокрадываться мысли, что эту подлость он сотворил не из похоти и из низменных страстей, а по любви, или хотя бы из сердечных чувств.

Невольно анализируя произошедшее от начала и до конца, наполнялась физическими ощущениями и переживаниями. Испытывала возбуждение, но уже более приятное. Если вначале, растерявшаяся, ошеломлённая и, находившаяся на грани обморока, она не могла ощутить все грани физического наслаждения, то теперь с запозданием они стали наплывать, размягчая организм.

Теперь она не могла избавиться от чувственности, преодолеть её и от этого злилась. Ею начали одолевать желания, страсть, и волна за волной. Уж очень сильным был порыв в то роковое мгновение, приведший её в экстаз. Он и преследовал сейчас. И надо Филиппу отдать должное: он умеет, может возбуждать... "Ох, негодяй!.. Ох, животное!.." И проклятие уже исходило больше от досады. Теперь насилие не представлялось столь унижительным и постыдным. Наоборот – даже желанным. Которому она, наверное, предалась бы сейчас страстно, упоительно. О-о, скорее бы дожидаться Сашу!..

Но как быть? Как быть?.. Или не быть?.. Вот в чём вопрос. Рассказать мужу об измене? Ведь насилие – тоже измена. Хотя есть и оправдательный аргумент – близость не пожеланию, но что это принесёт? Какие последствия?..

Маша представила вначале – поножовщину. Филипп, парень здоровый, Саше его не одолеть. Поэтому он может его или зарезать, или пристрелить. У Николая Ивановича есть охотничье ружьё, стоит в сейфе под него. Этот ужас будет страшнее того, что она сегодня пережила.

А скандалы, пересуды чего стоят... От взглядов одной только свекрови можно повеситься. Кто поймёт: кто прав, кто виноват? Но виновата всегда женщина. Её Бог наградил слабостями, ей перед ним и людьми страдать. Или скрывать...

Перед Богом только и молиться, замаливать тот грех. Может и простит, если он есть. А нет, так лучше жить с этой отметиной до скончания дней своих и помалкивать. Не заведено в нашем общественном сознании разбираться в этих вопросах, а вот судить и рядить – такое событие становится притчей во языцех.

"Ладно, не ножом же тебя вспероли... заштопается", – успокоила она себя с сарказмом.

Чтобы сбить жар чувственности, греховных желаний и тяжёлые думы, Маша старалась загрузить себя делами. Приготовила еду, накормила Светланку, сама поела. Поставила в кастрюле мясо вариться. Для будущих щей или супа, – решит по ходу дела. И занялась уборкой в квартире.

Дом состоял из двух этажей, деревянный, построенный лет пятьдесят назад, а может быть и старше, и на вид запущенный, к которому давно не притрагивалась рука маляра. Зелёная краска на вагонке, которой обит дом, почти отшелушилась, побурела и побледнела. Из-под низа от фундамента на него начала напозать плесень. А на крыше шифер посерел, почернел, и кое-где края обкрошились. Через некоторое время Маша узнает и ещё об одном его качестве.

Поскольку республика Татарково быстро развивалась, застраивалась пятиэтажными кирпичными домами и уже приобретала очертания солидного промышленного городка, то всё внимание было сосредоточено на его новом фонде. И эти три дома, стоящие с левой стороны Пионерской улицы, потеряли свою привлекательность. На их месте в перспективе планируется поставить такие же дома, как и в новом массиве или такие, как дома-колонки четырёхэтажные, напротив, через улицу. С правой стороны улицы уже стояли такие дома – Набережный микрорайон. За его корпусами крутой спуск к Угре. Прекрасное, можно сказать, место отдыха – курортный вид из окон.

А в тех домах, в частности в том, в котором они теперь живут, полы были деревянными, "музыкальными", скрипели летом, зимой немного меняли тон с мажора на минор. И двери имели свойства, то разбухать, то ссыхаться. Форточки на окнах тоже хоть привязывай. Если открыл, то того гляди отделяться от оконных переплётов. Открывались они по старинке – наружу, и очень даже могло статься – что унесёт их однажды ветром, как крылья бабочки.

Но всё равно квартира радовала, поскольку отдельная, поскольку своя. Живи она сейчас с родителями мужа, как бы она переживала эти муки в их окружении? А так одна, где со слезами, где со стонами.

– Мамоська, тебе боля, да? – спрашивала из сочувствия дочка, подходя к ней и стараясь обхватить маму своим ручонками. Или: – Тебе чё, чикотно, да? – уже смеясь.

Маша, как в том, так и в другом случае, обнимала её, прижимала к себе, и они вместе качались из стороны в сторону, переживая каждая своё со смехом или всхлипыванием.

В девять часов вечера пришла Нина Притворина. Она не позвонила, а постучала, видимо, помня из прошлых посещений, что звонок не работает. Маша открыла дверь и с удивлением, и отчего-то с тайным испугом, уставилась на неё, отступая в сторону.

По первому же взгляду поняла – в курсе! "Ну, Филипп! – одиозная ты личность", – вспомнила присказку Шилина.

– Привет!..

– Привет. Давно не виделись.

Нина почти по-хозяйски вошла в маленькую прихожую. Сняла у порога туфли-лодочки и ступила босыми ногами на вымытые половицы. Ступни ног приятно обожгло прохладцей.

Светланка стояла возле матери, смотрела на тётю с интересом, та изредка бывала у них в гостях, приносила с собой конфетку, а то и две. В чём она и на этот раз не ошиблась. Погладив девочку по голове, поиграв её бантиками, вынула из кармана платья, больше похожее на сарафан, пару карамелек в цветной обёртке и подала девочке.

– На́-ка, зайка тебе прислал.

Девочка приняла конфетки. И сказала:

– А моей бабушке зайка передаёт мне всегда соколадные конфетки.

– Ух ты! – засмеялась Нина: – Так у него, наверное, сегодня шоколадные конфетки закончились, – и пощекотала ребёнку бочок.

Светланка довольная заверещала.

Выполнив обязанности внимательной гостьи, Нина, не глядя на взрослую хозяйку, пошла по квартире.

– Ну, что у вас новенького? – спрашивала она, проходя в комнату. Оглядела её. – Что ж вы, без мебели до сих пор? Свекровь могла бы и поспособствовать.

– Обойдётся.

В комнате стояли диван, разложенный тахтой и застеленный покрывалом. Детская кроватка и старый двух тумбовый шкаф. Перед окном у балконной двери — обеденный стол и четыре стула вокруг него. На потолке матовый плафон, а на стене какие-то картинки без рамок, прикреплённые к обоям иголочками.

Кухня тоже не произвела впечатление. Маленькая, квадратов пяти-шести, как определила гостья. Посудный шкафчик на стене, холодильничек "Бирюза", столик с тремя табуретками, мойка и газовая двух конфорочная печь, на огне которой стояла кастрюля с чем-то булькающим.

В кухоньке, да и во всей однокомнатной квартире прибрано, чисто и уютно, что несколько скрадывало скудость обстановки.

– Можно присесть? – спросила Нина, выдвигая из-под столика табурет.

– Садись. Чай будешь?

– Нет, я дома только что нахлебалась. Да я на пару минуток. Тебе завтра в колхоз, – сообщила. – Хлопотушкин приказал. С собой брать прежний набор – ведро, харчи и энтузиазм. Помогать надо вечно отстающему сельскому хозяйству. – И усмехнулась: – Мы ж ему всегда должны, как земля колхозу. Филя просил дойти до тебя.

Маша кивнула, выражая этим не то согласие с поездкой в колхоз, не то благодарность за предупреждение.

Нина была в ситцевом лёгком платье с глубоким декольте, приоткрывающим впадинку между упругими полушариями. Платье чётко облегало и обрисовывало её фигуру.

Похоже, Нина ещё хотела что-то сказать, по глазам видно было, но медлила. Однако, уже по молчанию Маша понимала тему разговора, его смысл.

А смысл этот она поняла ещё в пультавой, его озвучил Шилин. Они – соперницы. Только она в этой связке, скорее, жертва.

– Ну, ладно. Это я сказала, об этом предупредила... – проговорила гостья, – пойду, однако.

Маша незаметно с облегчением вздохнула.

– Спасибо.

– Не за шта. Да, завтра к восьми часам будь на площади у поссовета. Найдёшь там Холодца, Фросю Разину и, кажется, Зина там, Угарова.

– Ладно, найду. Вот с ведром хуже – нет.

– Да и без него примут. Припарись к кому-нибудь.

Нина побарабанила по крышке стола коготками и поднялась. На прощание она ещё раз потрепала за бантики девочку и, глянув искоса на мать её, вдруг подмигнула.

– Не переживай. На то мы, бабы, и созданы, – и решительно прошла к выходу.

Маша закрыла за ней дверь и так, как будто бы спряталась за нею. Прижалась спиной.

8

Утро выдалось солнечное, тёплое.

Над лиственным парком шум грачей, ворон, галок.

Перед Поссоветом и Управлением предприятия, стоящие рядом, толпа народа. Люди стоят и сидят по периметру парка под деревьями, образуя большой полукруг. Одеты по-походному, с "тормозками", – то есть с сумками, в которых обеды, термоса. И с ведрами, как и полагается перед поездкой в подшефный колхоз на переборку картофеля в буртах. Каждый цех своей группой, поджидают автобусы. Слышны разговоры, смех.

На площадь от здания Управления комбината выходит Генеральный директор предприятия Татарков Родион Александрович. Такое явление случается нечасто, и потому появление директора настораживает и вдохновляет одновременно.

Площадь притихла.

Татарков высок, грузноват, в шляпе, в коричневом повседневном костюме, в сорочке и галстуке. Идёт не спеша.

За ним сопровождающие – Подгузин и Тишкин. На период сельхоз работ они ответственные за проведение этих работ, на производстве же: Подгузин – зам генерального директора по кадрам и быту, Тишкин – парторг предприятия.

Изредка вполоборота директор делает своим помощникам указания. Те по-птичьи кивают. На голове одного – короткополая шляпа, другой – в трикотажной шапочке с полосатым высоким "гребешком" на макушке.

Вот Татарков останавливается у одной из групп рабочих. Кто сидел – встаёт. Директор о чём-то спрашивает. Получает, как видно, нужный ответ, кивает одобрительно и идёт дальше.

Останавливается у другой группы. Спрашивает. Ему отвечают.

Шествие продолжается под любопытные взгляды.

Говорит Татарков по-хозяйски громко, и его голос доносится во все уголки площади.

Вот Татарков останавливается у небольшой группы, состоящей из одного мужчины средних лет: Холодцов – мастер цеха "муки", директор узнал его, –трёх женщин, одна средних лет и двух молодых. Пожилую тоже директор хорошо знает, давно работает на комбинате, на ДСЗ в цехе "Муки".

Не здороваясь, Родион Александрович, взявшись за борта расстёгнутого костюма, спрашивает, ни к кому не обращаясь:

– Вы, почему вчера не работали?

Рабочие молчат, как бы соображая: о чём речь?..

– Не поняли, о чём я спрашиваю?

Молодые женщины и мужчина растерянно переминаются.

С перевернутого ведра поднимается женщина средних лет, она в пестром платке и в зелёной фуфайке, похожая на черепаху.

– Где не работали, Родион Саныч? – переспрашивает Разина с заметной елейностью в голосе.

Видимо, в этом маленьком коллективе она за старшую, но не по приказу, а по возрасту и по сознанию: ум, честь и совесть бригады.

– Ты что, Фроська, дурочкой прикидываешься, или русского языка не понимаешь? О чём я спрашиваю?

– Поди, про колхоз, Родион Саныч? Так как не работали? Работали, Родион Саныч...

– Х-ма!.. – усмехается Родион Саныч. – Она мне что тут, театры устраивает? Дурочку разыгрывает?..

Все: и сопровождающие директора лица, и площадь, – с интересом смотрят на женщину. Кроме Татаркова. Его тяжёлый взгляд застыл где-то поверх Разиной, словно выжидая момент, чтобы упасть с ветвей деревьев на голову собеседнице, как кирпич с крыши.

Маша, как загипнотизированная, наблюдает за директором и за его взглядами. Её охватывает внутренний испуг за тётю Фросю.

– Да-а работали мы, Родион Саныч! – настаивает женщина вполне искренне.

– Ты что?!. Теперь из меня дурака делаешь?

Разина простодушно хохотнула.

– Ой! Да что вы, Родион Саныч. Да разве я позволю?..

Взгляд Татаркова спрыгнул с дерев на Разину, и, как показалось, под его тяжестью женщина втянула в воротник голову, словно в панцирь.

– Родион Саныч, я и говорю... Родион Саныч, правду говорю, – забеспокоилась женщина, поняв неуместность своего смешка и, стараясь, как видно, и своей говорливостью, и мимикой, смягчить директорское раздражение. – Работали мы. Работали, истинный крест...

– Ха! – восклицает Татарков вновь, и оборачивается к своим замам по сельхозработам.

– Ха! Они работали! Вы слышали?..

Сопровождающие его лица слышали и издали неопределённое: мха...

У Маши Константиновой горели мочки ушей. Генерального она видела. Был он на собрании в цехе в предмайские праздники. С трибуны поздравлял рабочих, как победителей в социалистическом соревновании среди цехов комбината. Энергично выступал. Порой даже с шутками. Его голос гремел по актовому залу, как грохота на ЦПД – за версту, поди, был слышан. И сейчас, наверное, не ближе. Вон, даже вороны, галки притихли.

Маша смотрела на большого человека и так же от неловкости, как тётя Фрося внутренне горбилась.

– Ра-бо-та-ли, – передразнил Татарков. – А сколько ведер нарезала картошки?

– Я не считала, Родион Саныч. Некогда было. Работали мы...

На круглом лице Родиона Саныча вдруг обозначилось страдание.

– Фроська, брось врать, а?

– Да ей Богу! Зачем мне врать-то?..

– Нет, вы только посмотрите, что за баба? – вдруг восторгается Татарков, хлопая себя по бедру. – Я ей – стрижено, а она мне – брито! Фроська, у тебя совесть есть? Вы мне что тут, а?.. Ну и ну... Вот народ пошёл, а? Раньше: виноват, Родион Саныч, прости, Родион Саныч – и дело с концом, а теперь?.. Ты ей слово, она тебе десять. – Руки Родиона Саныча по бортам костюма зашли за спину под полы его, оголив живот, обтянутый белой сорочкой. Галстук длинным языком овально облегал грудь и живот до поясного ремня. – Та-ак. Ты с кем разговариваешь? Нет, ты с кем говоришь, я тебя спрашиваю?! Ты что думаешь, что ты находишься там, – кивает в бок в сторону колхоза, – у Кульманова? Это вы с ним там можете... – растопыренной пятерней прокрутил возле головы по спирали вверх. – А мне не надо. Поняла? Поняла, я тебя спрашиваю?..

– П-поняла, – Разина беспокойно поправляет без всякой нужды волосы под платком. – Вы нам не верите?

– Кому это вам? – теперь Татарков удивляется вполне искренне. Пошатнулся, как бы в удивлении, и галстук на животе. – Тебе, что ли? Ну, ты, Фроська, даёшь! Ха!.. Вы поглядите на неё!.. Да ты кто такая? Нет, ты кто такая, чтоб я тебе верил?..

Оторопелое молчание. Рабочие подавлены, отводят взгляды в стороны. Им совестно перед людьми за этот уличный скандал. Татарков же наоборот, твёрд и напорист, слегка покачивается вперёд-назад.

Маша смотрела на него и на Разину, и ей показалась, что тётя Фросе хочется провалиться сквозь землю. А ей самой – расплакаться.

– Вот им я верю, – кивает директор на своих помощников. – И тому парню верю, – ткнул большим пальцем в сторону колхоза. – А тебе... Ишь ты! – вскидывает бровь в снисходительной усмешке.

– Нет, ты поняла, о чём я говорю?.. – вновь насаждает директор, но уже слабее. – Ты понимаешь, что ты и твои забастовщики мне посадку сорвали?

Разина горбится и убито кивает головой: поняла, дескать... Похоже, такое обвинение её шокирует. Она не находит слов.

– Ну, так, отвечай. Почему вчера в три часа картошку бросили резать?

Тут в мозгу женщины происходит какое-то переключение. Она оживляется. На её лице, только что унылом и униженном сверкнула улыбка. Её товарищи тоже несколько приоживились, кроме Маши. Она вчера не было на переборке, и потому не знала сути дела. Но по оживлению коллег поняла, что что-то положительное повернулось в их сторону, оправдывающее.

– Так мы, почему бросили в три-то часа, Родион Саныч? Кульманов зажал наряды, вот люди и осерчали, – приободрённо заговорила Разина. – Кто ж ему задарма картошку перебирать будет, в гнилье копать? И так копейки платит. На рубле экономит, а буртами добро гноит. Гнать такого председателя надо, а мы ему сколько год подряд помогаем, время убиваем. В цеху что, работы нет? Вон, свой завод на ладан дышит... – и осеклась, глянув на округлившиеся глаза директора.

Родион Саныч покраснел, наполнился воздухом. Бородавка, чёрной горошиной вызревшая почти симметрично меж щетинистых бровей, поползла на лоб вместе с бровями. Шляпа, словно оживя, сдвинулась на затылок.

Ты посмотри-ка, что делается!.. Она ещё критикует!..

За спиной директора Тишкин подавал незаметно знаки Разиной. Вначале он раза-два мотнул головой, дескать, не то говоришь, женщина. Потом страдальчески сморщился; мол, кто тебя за язык тянет. Помолчи, и он успокоится... Теперь же закатил глаза: дура баба!..

– Та-ак, – выдохнул Татарков. – Та-ак. Подгузин, ты понял, о чём тут речь?

Подгузин конечно же понял. Кивнул, едва не сронив шляпу.

– А ты, Тишкин, понимаешь, что тут происходит? – повернулся к парторгу.

Тишкин тоже дёрнул головой. "Красный гребешок", так горделиво и нарядно красовавшийся на его голове, упал на бок.

Маша, не смотря на напряжённую ситуацию, едва не рассмеялась над парторгом, отвернувшись.

Парторг развёл руками; дескать, он-то понимает, да вот ведь какой народ бестолковый!

– Та-ак, понятно, – резюмирует итоги опроса Родион Саныч, и толстым указательным пальцем, выдернув его из-за борта костюма, как стволом пистолета, гневно затряс перед женщиной, что в равной степени относилось ко всем рабочим и не только перед ним стоящим. – Но я вас научу! – сделал паузу, подбирая, как видно строгое наказание.

Площадь затихла, казалось, даже птицы на лету замерли.

Скомандовал:

– Вон отсюда! Я вас отстраняю от колхоза! И чтобы духу вашего здесь не было!

И грозный, с закинутыми руками за спину, последовал дальше. Подгузин за ним. Тишкин виновато пожал плечами, видимо, его партийное сознание всё же было на их стороне, сочувствует, но....

Рабочие, которых только что осчастливил своим вниманием директор, какое-то время стоят, обалдело провожают взглядами гендиректора и сопровождающих его лиц.

Но вот Холодцов ожил.

– Бабы, чего стоим? – придушено воскликнул он. – Бежим!

И он, вдохновлённый строгим распоряжением директора, подхватив свой "тормозок", ведро, запетлял среди деревьев старого парка, заросшего бурьяном и кустарником – воздушные лёгкие рабочего посёлка.

За ним поспешили и женщины. Отойдя немного от "прикольного" места, Маша оглянулась.

Тётя Фрося, подняв ведро, горбясь, в коротких чёрных сапожках семенила за ними. И вскоре её согбенная зелёная спина скрылась за кустами акации от обзора "колхозников".

Выйдя к поселковой достопримечательности, стоящей одиноко на широкой асфальтированной площадке напротив спорткомплекса, как мавзолей на Красной площади, к кирпичному красному зданию – к туалету, к которому с самой постройки нет доступа, – Холодцов остановился.

– Фу-у... Вот это врезал, так врезал – весь дрожу! Вот это наказание. Ха-ха-ха! – его простоватое лицо удлинилось от смеха. На глазах проступила влага.

Женщины тоже засмеялись, в том числе и Разина. Константинова смотрела на неё с недоумением – только что едва не плакала, тут смеётся.

– В общем так, бабоньки, – заговорил мастер, переждав смех коллег, – поскольку так всё не удачно сложилось, идите каждая по своим сменам. Ты, Маша, иди на перевоспитание к Филиппу. (Машу передёрнуло.) Ты, Зина, во вторую смену – к Авдееву. А мы с тобой, Ефросинья Степановна, в ночную. Хватит, будем сельскому хозяйству помогать минеральными удобрениями.

На площадь у поссовета въезжали автобусы. Тем, кому ещё не было отказано в доверии, потянулись к ним, с лентой, нехотя. Они с завистью смотрели саботажникам вслед.

А над площадью раздавались команды, вдохновляющие "колхозников". Их слышно было за версту, поскольку даже у "мавзолея" отлучённые от колхоза работники, слышали голос гендиректора отчётливо.

– Вы чего тянетесь?! Чего тянетесь? Живей! Подгузин, Тишкин, смотрите за ними там. За каждым смотрите. Не-ет, так дело не пойдёт! Но я научу!..

А время и впрямь было хлопотное. В колхозе "Мир" опять беда с посадочным материалом – в который раз картошка погнила. И зима в этот год была вроде бы не морозная. Беда, напасть прямо-таки какая-то...

Провинившаяся бригада расходилась по заданным мастером направлениям: кто – домой, кто – в цех.

Константинова и Разина некоторое время шли вместе, им было по пути. Маша не могла отделаться от встречи, только что удивившая её: как Ефросинье Степановне так быстро удаётся перестраиваться? Только что едва не плакала, а теперь смеётся?..

– Э-э, девонька, – говорила Разина, сплёвывая с губ невесть что, – это ещё цветики. Бывало так отстирает, что на неделю, а то и на месяц его внушения хватает. Гребёт и старого и малого. Привыкай. Тут они сплошь да рядом такие, крикливые и бедовые, на него, видимо, глядя. Кроме парторга. Но тому, видать, положение не позволяет нашего брата окучивать. Так что, привыкай, если думаешь тут жить и работать.

На Машу, нашла оторопь.

"Буду увольняться! Посоветуемся с Сашей, и бежать отсюда, из райского уголка! Бежать! Или?.."

Когда она приехала сюда, ей посёлок очень понравился. Чистый, по сравнению с областным центром, раскинувшийся на живописнейших просторах среднерусской равнины, на легендарных местах российской истории, знававшая и половцев, и татар, и поляков, и фашистов. Овеянные славой и доблестью предков и в сочетании с современными постройками, лесопарковой зоной, расположенной внутри населённого пункта, превзошли все её ожидания.

До приезда, она представляла посёлок ничуть не лучше её колхоза, где улицы в жидком асфальте, особенно после дождей. И где самым красивым домом был – одноэтажный деревянный местный клуб, с утоптанной возле него не одним поколением молодежи земляной танц-площадкой. Да школа, тоже приземистая, широкая, тихая из-за редущих учащихся.

Посёлок же распахнулся перед ней сказочным мирком. О чём она не раз говорила Саше и благодарила его, что он привёз её именно сюда. И Крыма не надо – Угра под боком и дикий пляж кругом, где хочу, там и лежу, загораю.

Но ко всему хорошему быстро привыкаешь, будни приземляют. А тут отношения со свекровью не заладились. Но и они не столь подавляли. Всё выравнилось, или почти всё, с получением отдельной квартиры, пусть не в одном из кирпичных, красивых и светлых домов посёлка, но жильё несколько смягчило напряжение, и сживало молодым существование. И душа успокоилась.

И вдруг! – вчерашний кошмар, который надломил душевный баланс.

А сегодня – дурость. Что-то об этом она слышала. Мол, у директора на всё ума хватает: и на самодурство, и на благоразумие. И вот она убедилась в одном из этих качеств, и напугалась...

"Или смириться?.." – и этот вопрос отозвался в сознании набатом, предвещающий что-то мрачное и захватывающее дух. И название посёлка – Республика Татаркова – начало ассоциироваться с древним монголо-татарским нашествием, которое осталось в истории Руси, как "великое противостояние". А может и не только в истории. Корни явно где-то здесь прорастают.

В цех идти не хотелось. И стыдно, и страшно.

Вина в нём начала проявляться на следующий день, когда Маша вместо колхоза неожиданно появилась в цеху. Нина позвонила ему из третьего цеха и сообщила о появлении транспортёрщицы. Он тут же, едва ли не бежал по территории завода из второго цеха в третий. Но Маши в пультовой не оказалось.

– Где она? – спросил Нину. – Почему не в колхозе?

– А я почём знаю? У неё и спроси, – не очень любезно ответила та.

– Ладно тебе фыркать. Где она?

– Да не знаю. Убирается, наверно?

Филипп по печному маршу сбежал вниз в машинный зал, к мельнице, и увидел Машу возле Палыча. Тот что-то делал у верстака и она, как маленькая, с любопытством смотрела на его занятие.

Чтобы успокоиться, волнение при её виде охватило его сильнее, он достал сигаретку и с силой во все легкие затянулся её дымом. Постоял немного, сделал ещё несколько затяжек и, напустив на себя вид делового и озадаченного руководителя, подошёл к верстаку. Из-за шума мельницы и печи его приближение и присутствие они не сразу услышали. Лишь когда он встал по другую сторону Шилина, она вскинула на него испуганный взгляд, и лицо её побледнело, потом начало розоветь, а глаза наполняться влагой.

Он не вынес её беспомощного взгляда, сам опустил глаза. И, глядя на обгоревший кончик сигаретки, поздоровался:

– Привет, Маша. – И спросил: – Ты почему не в колхозе?

Она кивнула на приветствие и дёрнула плечиком, выразив этим замешательство.

Ответил Шилин:

– Татарков их прогнал. Наказал злостных раздолбаев. Так им и надо, саботажникам!

Филипп вновь поднял глаза на Машу.

– Как это? За что?

Та вновь пожалала плечиком, дескать, не знаю...

– Так за картошку Кульманов платить не схотел, – продолжил Палыч. – Хоть и платит с гулькин нос, но при наших-то заработках и то – давай сюда. Вот Фрося и вся бригада Холодцова перестали после обеда перебирать картошку и резать. Родион Саныч их сёдня, на площади у поссовета, и оттянул. А потом и наказал самым страшным наказанием – прогнал с колхоза. Они все с рыданиями так и бросились врассыпную по цехам. Вот несчастье, – вздохнул мельник. – И как они теперь без колхоза жить будут? Ить, не переживут. Ха! – усмехнувшись, покрутил он головой, прикрытой серой кепочкой. – Как генеральным стал, так чё-нидь да учудит... Хотя и до этого бывало веселил.

Филиппу такое объяснение показалось неправдоподобным, но настаивать на деталях происшествия не стал. Видел, что Маша не в состоянии с ним разговаривать. И он ушёл.

И в этот день, и в следующий, и на протяжении недели, когда бы он не появлялся, Маша тут же убегала к Шилину и не отходила от него, пока Филипп не покидал цех. С этого момента в нём стало вселяться чувство похожее на вину, но не сожаления. Наоборот, теперь им начали одолевать желания ещё сильнее, страсть. И чувство ущемлённого самолюбия – его призирают, его ненавидят. Но он, наученный прошлыми опытами, не спешил. Надо ждать. И ждал.

9

Перед праздниками слесарь КИП Крючков преподнёс сюрприз – фельетон в областной газете под рубрикой "Фельетон наших читателей". И назван он был "С шоколадным отливом". Народ анклава он развеселил, порадовал и обнадёжил.

А в сознании Татаркова Родиона Александровича как будто бы что-то струнулось. Как понял Хлопотушкин из беседы с ним.

Одной строчки в газете было достаточно, чтобы сдвинуть с мёртвой точки едва ли не трёхлетнюю проблему. И вообще (быть может?), в этом году этот вопрос закроется. Если получится, то всем жителям Республики надо Крючкову поклониться. И сам Татарков как будто приосёкся, насторожился. Ведь о его анклавике писать никто не осмеливался, ни районные, ни областные газеты – кроме положительных отзывов. Даже появление их сотрудников задолго оговаривалось, и обсуждалась тема или темы их посещения заранее. Это же касалось и представителей центральной прессы. И если вдруг в заявке упоминалось нечто предосудительное, критическое, то тут же подключались отделы по контролю за информацией по закрытым ведомствам. Поэтому журналисты с неохотой брались за подобные материалы. Но изредка приезжали всё же, и уезжали, душевно удовлетворёнными и затаренными под крышку багажника автомобиля дефицитами, особенно во времена перестройки, и после неё.

В последние годы в стране Советов стала наблюдаться нехватка продовольствия, также в хорошей одежде и обуви, да и в книгах тоже. Республика Татаркова, благодаря централизованным поставкам из складов Средмаша, на обеспечение пожаловаться не могла. Да и в собственных складах, на базе ОРСа¹, на всякий случай, генеральный директор придерживал что-нибудь из остродефицитных товаров. А такие случаи время от времени набегали. Особенно дефициты сослуживали хорошую службу, если такие наезды оказывались всё же неожиданными. Из центральной прессы, газет, журналов, или из каких-нибудь органов по расследованию жалоб.

Разбор жалобы начинался с кабинета генерального, а через час-другой с выездом на территорию посёлка, комбината и с непременно заездом на базу ОРСа. Там уже происходил другой разбор, в результате которого, всё что, мог вместить в себя багажник "Волги", погружалось в него, и обе стороны оставались удовлетворёнными. Гости уезжали с уверенностью, что сигнал будет рассмотрен со всех сторон, и будут по ним приняты самые серьёзные меры. Хозяин – с самыми искренними уверениями, что так оно и произойдёт.

Так, или почти так и происходило. Статья о секретном анклавике не появлялась, а жалобщик, и даже коллектив таковых, если не увольнялся с предприятия, то ущемлялся в каких-либо льготах, негласно. Или же находились у них, помимо этих жалоб (а жалоба, одна из тяжких грехов) какие-нибудь ещё грешки, за которые его (или их) можно было наказать, обделив материальными благами, и тем самым осадить, подчинить, приручить.

Каким образом в областной газете оказался фельетон Крюčkова, было непонятно. И поэтому, можно было предположить, что у него, видимо, есть некто в областных структурах власти, кто помог прошить заградительную полосу, и опубликовать этот материал. Конечно, о художественных достоинствах тут речи не могло идти, но с тактической точки зрения – ход смелый и важный.

Вначале стали поджидать "громы и молнии". Увольнение Крюčkова или какое-либо наказание. Какого-то воздействия на него за его своевольный поступок. Но время шло, проходило и напряжение, и постепенно укрепились во мнении, что Родиона Александровича не всякая

¹ ОРС – Отдел Рабочего Снабжения.

критика приводит в негодование, он тоже один из тех, кто понимает её, и принимает. Ему также присущи элементы демократии, разливающейся по стране пенистой волной.

Но Родион Александрович не такой уж и шёлковистый, кто знал его ближе. Однако вопрос с водоочисткой назрел давно, и тут хочешь, не хочешь, а "телись", – как он сам выражался, – то есть принимай меры. А эта статейка ему в некотором смысле даже помогла протолкнуть вопрос с финансированием.

В Главке, прочитав её, посмеялись и дополнительно выделили необходимую сумму. Как же, пресса – четвёртая власть. А раз эту стряпню пропустили в области, значит, обком партии этот вопрос будут держать на контроле. И тут будет не до шуток. И может так случиться, что и Средмаш не поможет. К самому прилипнет шоколадный загар.

Крючков, создавая статью, опирался на действительный факт – вода из кранов на кухне, в ванне текла крайне непригодной. Для приготовления пищи и питья жители её фильтровали через вату, через активированный уголь, через всякие хитромудрые устройства, такие как керамические насадки, появившиеся в продаже в магазинах Калуги. Словом, выходили из положения каждый по-своему, и для приёма в пищу "шоколадную" воду старались очищать. Но для ванн – таких приспособлений по очистке воды отыскать было сложно. А те, что применялись на кухнях, явно не справлялись. Тут на стирку, на купание детей и взрослых она шла напрямую без очистки. Порой на балкон вывешивалось бельё, на котором просматривались следы напоминающие узоры "детской неожиданности". Ещё, знающие люди, называли такую воду в ваннах – грязелечебницей. И в том заложен был ироничный подтекст, поскольку от лечения в этих ваннах почему-то наступала весёлая жизнь, нападал зуд, и люди проводили на теле массаж, а у некоторых жителей появлялась болезненные бляшки на теле и аллергия.

Летом люди выходили из положения: отмывались от бытовой воды в водах Угры. Зимой – в банях у себя на даче, у кого столь завидные сооружение имелось, или ездили за три-пять километров в соседний посёлок – в общественную баню.

За зиму Крючковы и другие жители намучились с грязелечением.

10

Поселковая котельная находилась за три километра, на производственной площадке, в окружении ДСЗ и его цехов. И вода из неё поступала равно как на бытовые нужды жителей республики Татаркова, так и в производственные цеха комбината.

На Керамическом заводе, при приготовлении раствора "шликер", применялась обычная холодная вода из подземной скважины, как летом, так и зимой.

В чаны-ванны из трёхсоткилограммовых мешков засыпался серо-голубой порошок. После определённого процесса подготовки, – нагрева до высоких температур, с выдержкой по времени, – глиняная масса через магнитно-электронные сита перегружалась в ёмкость – пропеллерную глинобалтушку. Туда же добавлялось стекловидное тело, обычный силикатный (канцелярский) клей в достаточном количестве и подавалась вода.

Зимой холодную воду из скважины, находящуюся за несколько сот метров от завода, разморозило, – трубопровод не был заизолирован, утеплён пароводяными змеевиками.

Процесс приготовления шликера стал на грани остановки. Но на этот случай на заводе нашлась в запасе «палочка-выручалочка» в виде изворотливости и изобретательности.

А всё гениальное решается просто.

По предложению технолога завода Плохина, к штуцеру трубопровода горячей воды, идущей на отопление цехов Керамического завода, был присоединён резиновый шланг, а другой его конец – к штуцеру глинобалтушке. И – процесс пошёл. Сменный оператор подходил к вентилю, открывал его, и вода на полное сечение патрубка устремлялась в аппарат.

О том, что на керамике разморозили трубу на подаче воды в глинобалтушку, знали все, от рядового оператора, до генерального директора, за что директор завода «керамики» попал Генеральному на «крючок» – тому на стол легла смета на проведение ремонтных работ. И как всегда не вовремя – тут каждый рубль экономишь на строительство домов, а они с какой-то там трубой... Время шло, смета не подписывалась, а потом и вовсе махнули рукой на этот вопрос: ему не надо, а нам и подавно, пусть думает...

Обратный клапан (запорный механизм) в этой технологической схеме не предусматривался. И если бы был, то он не позволил продукту, шликеру, обратным ходом из ёмкости попасть в трубопровод горячей воды – клапан перекрыл бы патрубок. Да и схема эта, предполагалась быть временной, на день-два, на сутки, трое. Но прошли трое суток, неделя, месяц, а там уже дотянули бы и до весны... По теплу удобнее заниматься размороженным трубопроводом и достать глубинный насос.

Но всякую идею может погубить непредвиденный случай, поскольку "абы как" и "как-нибудь" не всегда срабатывает, на практике они всегда голые, беспомощные пред непредвиденными обстоятельствами. На «авось» и «как-нибудь» всегда приходит неожиданно «аллес капут». И если НИИ, создававшее это производство, всё учло, потому и начертила чёрным по белому данный прибор на трубе в схеме проектной документации, а строители поставили его на этот трубопровод. То местному рационализатору было невдомёк, что время от времени отопительная система может внезапно останавливаться, как и всякое хронически больное производство.

Что и произошло – котельная вдруг аварийно остановилась в конце зимы. И для ремонта потребовалось опорожнить трубопровод от воды из-за опасения его размораживания. Вода из системы водоснабжения завода пошла обратным ходом на котельную, в дренажную систему, отчего в самой трубе горячего водоснабжения создался вакуум. А в таком состоянии всякий аппарат старается его заполнить, всосать в себя всё, что легко всасывается – от воздуха до шликера.

Разумеется, остановка котельной проводилась в глубокой тайне, как и всякий стратегический манёвр местного значения – на час, на полдня, на сутки жителей оповещать не обязательно.

И потому, когда операторы "керамики" спохватились, что в глинобалтушке шликер удивительным образом куда-то исчез и почти весь из ёмкости, то были крайне удивлены. Как, куда и почему?.. Стали искать в днище дырочку. Но она оказалась в другом месте.

На котельной, проведя соответствующие мероприятия по ремонту оборудования, запустили котлы и подали в магистрали воду. И вода привычными маршрутами из бойлеров, резервуаров и котлов пошла по периметрам, по двум направлениям – на промышленную зону и на жилой комплекс.

Долго люди не могли понять: как и откуда из их кранов на кухнях и в ваннах появилась вначале с голубым оттенком водица, которой страшно умыться? Позже, тёмная с неприятным болотным запахом, и – напоминающий туалетное амбре.

Раствор, попавший в систему отопления, можно было бы ещё вымыть из трубопроводов, но на тот момент не последовало общей авральской команды – открыть кингстоны! – то есть краны. Продуть, промыть системы водой! Да и кто мог предположить, что шликер, разведённый сотнями тонн воды, пойдёт не по назначению?..

В данный момент не все жители были в своих квартирах. Кто-то на работе, кто-то в отпуске, кто-то смиренно спал после ночной смены. И потому раствор растёкся по всей системе и отопления и на бытовые нужды, и производственные объекты, оседая на стенках труб, закоксуывая их, и так плотно, что сквозь него в отдельных трубах едва прошла бы швейная иголка. Отчего в квартирах снизилась температура, почти до ноля градусов, поскольку зима ещё продолжалась и, как назло, с крепкими морозами.

Конечно, это не была блокада в прямом смысле, как в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны, до смерти никто не околел, кроме цветов. Однако время и средств положены такие и столько на замену трубопроводов и батарей отопления в квартирах, кабинетах того же управления предприятия и заводов, что на эти затраты можно было бы изготовить два-три бойлера² на котельной и отремонтировать на керамическом заводе не один десяток трубопроводов с обратными клапанами и глубинными насосами вкуче.

Даже заменив в жилом массиве часть труб и трубочек в квартирах, это не помогало – вода была ржавой, с примесями и запах по-прежнему, напоминающий туалетное амбре. Очистные сооружения и бойлеры оказались тоже заполнены шликером. В них вода застаивалась, не очищалась, тухла, отчего на самой котельной распространился не совсем приятный туалетный дух. И заменив стояки горячей воды в одном-двух подъездах жилого дома, они через месяц-полтора вновь забивались той же дрянью, поскольку в других подъездах и домах она продолжала циркулировать по трубам тонкой струйкой. Силикатный клей, находящийся в шликере и известняковые взвеси в воде, создавали плотные отложения на стенках труб и трубочек – они просто закоксуывали их.

С промплощадкой поступили проще – её отрезали от отопительной системы совсем. Отчего в цехах и заводах увеличился расход электроэнергии, так как во всех кабинетах, мастерских и складах были включены электрообогреватели, и большей частью – собственного изготовления. Что привело ещё к дополнительным финансовым расходам по замене проводки в помещениях и оборудования в электрощитовых, и на подстанциях – они сгорали из-за перегрузки электроэнергии.

Для того чтобы заменить оборудование на котельной, нужны были средства во много раз превышающие те, что уже потрачены. А накапливать их не было возможности – надо строить

² Устройство для подогрева воды

новые дома, производственные объекты. И вопрос с восстановлением отопления жилого массива и нормального водоснабжения завис на годы.

Таким образом, рационализаторство, разгильдяйство и экономия на малом привели к колоссальным убыткам в большом.

Но Средмаш выручил, правда, несколько поздновато, после статьи в газете.

11

О всех перипетиях данного происшествия Геннадий Крючков не знал. И не вник в сложность "насущенного момента", и потому, прожив в посёлке год, натерпевшись, помёрзнув сам и дети, помывшись в воде, от которой день-другой чешешься, как "шелудивый поросёнок", он сел за статью.

В какую из газет её послать? – он долго раздумывал. Но наполненный до предела возмущением, и сочувствием к посельчанам писал её не без доли иронии и сарказма. И отвёз в областную газету "Знамя". Почему-то решил, что именно в неё следует, в партийную и главную газету области. Видимо, предполагал, что Татарков является членом бюро райкома, поэтому в районке её не пропустят.

И ему повезло. В субботу дежурным по редакции был Шапкин Василий Иванович. Как потом выяснил – заведующий общим и литературным отделами.

Василий Иванович, читая статейку, вначале хмурился, потом не выдержал и рассмеялся.

Гена, украдкой следивший за редактором, встревожено напрягся – сейчас просмеёт и выгонит! Это же его первый опыт, и, наверное, корявый. Почему бы и не посмеяться? И он насупился, опустил голову.

Однако, нет, редактор дочитал до конца его три тетрадных листочка. Платком вытер глаза и обратился к писателю:

– Геннадий Миронович, вы где-нибудь обучались письменному ремеслу, или это у вас экспромт? – голос Шапкина был спокойный, глаза, хоть и поблескивали, но были внимательными.

– Да нет... Так, стишками баловался иногда в школе да в армии в стенгазетах. Да иногда жалобы людям помогаю составлять....

Василий Иванович покачал головой с чёрной седеющей шевелюрой.

– Да... Ну, что же. Давайте так поступим. Первое – вы распишитесь под своим опусом. И второе – я предлагаю юмореску переименовать. У вас она "С африканским загаром". А это, знаете ли, никак не вяжется с нашими климатическими условиями. Если озаглавить, скажем, "С шоколадным отливом"?

Гена несколько приободрился – неужто примут? И с готовностью тряхнул головой.

– Поясню. Шоколад всё-таки более доступен, во всех магазинах. И вы пишете, вода у вас с крапов течёт и цветом напоминает жидкий шоколад, кофе. Или вам не нравится?

– Да нет, почему же?.. По-моему, тоже хорошо.

– Так будет более приземлено.

Василий Иванович ещё раз внимательно посмотрел на собеседника.

– А попробуйте написать рассказ. На любую тему и любой жанр. Можете мне прислать по почте, или вот так привезти, как сейчас, когда поедите в Калугу.

Крючков пожал плечом.

– Не знаю, получится ли?

– Ну, если захотите, то должно. Тут же у вас получилось, и неплохо.

– А что, эта статья... она годится?

– Годится. Небольшие правки, конечно, требует, но это уже наша забота. Грамматику подтянем, препинаки проставим.

И опытный журналист Шапкин потратил на беседу с писателем ещё полчаса, стараясь выяснить подробности проживания в процветающей республике Татаркова. Хоть и секретный объект, скрытый, но слухи о нём широкие.

Геннадий отвечал:

– Посёлок неплохой, в смысле его расположения. Дома растут быстро, думаю, через год-другой я тоже получу квартиру.

– А сейчас, где живёте?

– В однокомнатной подменного фонда. Нас четверо, я, жена, мальчик и девочка. Стою на расширении. Боюсь только, вот за эту вот статейку не лишили бы. Но и жить в таких грязных условиях уже немогут. Две конференции было, одна в прошлом году, профсоюзная и вот, по весне, колдоговорная, – люди спрашивают:

– Родион Саныч, когда же у нас вода нормальная из кранов пойдёт? Невыносимо так жить!

Он отвечает:

– Вы об этом Плохина спросите. Он знает, – шутит Татарков так. – А если серьёзно, то – думаем. Дело серьёзное, я понимаю, и с кондачка его не возьмёшь. Вот поднакопим денег, возьмёмся и за воду. Слово даю – решим вопрос.

– ...А на деле – всё по-прежнему. Вот и не выдержал, написал крамолу.

Шапкин улыбнулся.

– Тут на фельетон похоже. С юморком, остро. Вы не возражаете, если мы его фельетоном пропустим?

– Да нет, почему же. Хоть как, лишь бы помогло. А точно пойдёт в газету?

– Пойдёт, не сомневайтесь. К нам на вашего директора ещё немало писем поступает. В том числе и по шоколадной воде. И ваша статья как раз вовремя. Ждите, может быть, в субботний номер и вставим.

И, уже прощаясь, редактор вновь вернулся к предложению:

– Так что, Геннадий Миронович, попробуете себя в литературном жанре, в рассказах, в юморесках, в стихах?

Крючков смущённо пожал плечами.

– Да какой из меня писатель.

– Ну, не скромничайте, не скромничайте. Мне виднее – есть в человеке данные или нет. А в вас они скрыты. Развивать надо. Жили бы в Калуге, ходили бы к нам, у нас при редакции есть литобъединение "Вега". Его ведёт Валя Волков, писатель и поэт.

– Хорошо бы, конечно. Да живу далековато, не наездишься. Это уж тут подпёрло – настрочил.

Василий Иванович засмеялся.

– Тогда надо, чтобы почаще вас подпирало.

Крючков только дёрнул плечами, выражая не согласие.

12

Геннадий ездил в редакцию в субботу, и потому с волнением переживал дни до следующей субботы. И вдруг, в четверг после обеда, ему позвонил начальник цеха Хлопотушкин.

– Гена, это твой фельетон в "Знаменке"? "С шоколадным отливом"? – голос был с задоринкой, которая, видимо, осталась ещё от прочитанного текста.

Крючков от неожиданности даже подрастерялся.

– Что молчишь? Или статус писателя не позволяет вступать в разговоры с нами, грешными.

– Скажите тоже... А газета у вас?

– Да, вот передо мной.

– Я сейчас подойду.

– Давай.

Крючков не шёл, он бежал, и, наверное, так, как бегут на первое свидание влюбленные. Взволновано и быстро, перепрыгивая лужицы грязи на территории ДСЗ. По-молодецки вскарабкавшись на сцепку вагонов, стоящих под погрузкой щебня, спрыгнул, попав на край лужи кирзовым сапогом. Поскользнулся, но чудом устоял и продолжил свой путь.

Каждый, кто начинает заниматься литературным творчеством, испытывает благоговейное чувство перед своим напечатанным первым произведением. И по-своему проявляют эмоции: одни улыбаются едва ли не идиотской улыбкой; другие улыбаются, но со скромностью невесты на выданье; третьи улыбаются со значимостью народившегося гения; четвёртые... Словом, тут можно приводить с десятков типичных и не типичных образов, поскольку как бы там не судить, а дело неординарное. Складно писать, а тем более для областной газеты, не всякому дано. Избранным. Тут гордость по неволи охватит. И Крючков не исключение. Он улыбался, обозначим так – вторым и третьим способами, застенчиво-значимо.

– Слушай, как тебе удалось её опубликовать? – был задан первый вопрос начальником цеха.

– Да как? Как и всем, наверное, – и слукавил, – через чёрный ход.

– Это ж удивительное рядом!

– А что, не по делу?

– Да почему же! По делу. Я думаю, не найдётся в республике ни одного человека, кто не оценил бы её по достоинству. Великое дело, ничего не скажешь. Только одному товарищу, мне кажется, она будет не по нраву.

– Родиону Санычу?

– Да. И, полагаю, тебя могут ждать кое-какие неприятности.

– Какие?

Виктор Михайлович пожал плечами.

– Тут товарищ Татарков не предсказуем. А рычагов у него столько, как у клоуна, играющим с Арлекино.

– Ну, что ж... Будем считать, что пострадал за народное дело, – криво усмехнулся Геннадий.

– Ну, ты раньше времени не паникуй. Татарков тоже не без понятия. Есть в нём дурь, но до определённых пределов. С областной газетой он в конфликт вступать не станет. Если бы из неё корреспондент приехал, то тут бы он заиграл его, свозил бы на базу ОРСа – и весь инцидент исчерпан. И статьи бы никакой не появилось. А тут... не увернёшься. Словом, будь повнимательней и только.

– Хорошо, Виктор Михайлович, приму к сведению. И вопрос можно?

– Какой? Давай.

– Газету не подарите?

– Э, нет. Пусть побудет она в цеховой подшивке. Это же для нас – знамя, – засмеялся. – А ты, когда поедешь домой, зайди на почту и купи. Она до семи работает, успеешь.

– Ладно. Могу идти?

– Давай.

Но не удалось Крючкову купить газету на почте – до него все экземпляры были распроданы. И "на удивление", как подчеркнули работницы почты, посмеиваясь.

Пришлось через соседей доставать, у тех, у кого была подписка на областную газету, и кто успел её прочитать.

А через час Хлопотушкина нашёл звонок Нины Михайловны. Начальник цеха находился в пультовой второго цеха, где проходило обсуждение фельетона.

Трубку сняла Антонина Серёгина.

– Да... – и тут же передала её Хлопотушкину.

– Михалыч, тебя Родион Саныч кличет, – услышал он голос секретаря генерального директора. – Будь ласка.

– Когда?

– Да в любой час, кроме ночи. Но чем быстрее, тем лучше.

– Понял. Еду.

«Из-за статьи Крюčkова!», – подумал Хлопотушкин, готовясь к выговору.

У начальника цеха была личная машина "ВАЗ-2101" – "Копейка", у единственного человека в цеху, которую он получил досрочно за выдающиеся производственные показатели цеха. Все остальные работники – стояли на автомобилях в очередях: цеха, завода и комбината. Хлопотушкин использовал машину и по служебным и по домашним делам. На ней он и выехал в управление комбината.

Но, к удивлению Хлопотушкина, директор не был раздражён. Даже как будто бы снисходительно добродушным, и за своевольный поступок Крюčkова не высказал недовольство. Единственное, похожее на упрёк, прозвучало замечание:

– Ну, что, говоришь, таланты у себя возвращаешь? Похвально. Похвально, ничего не скажешь.

А дальше повёл разговор в деловом тоне.

– Как, Витя, если я на тебя Керамику взвалю, – потянешь?

– !?..

– Что, удивил? – усмехнулся генеральный.

– А... а куда же Быхана, директора керамики?

– Выгоню к чёртовой матери. Мне такой руководитель не нужен. Это благодаря его творческому руководству, мы дожили до весёлой жизни. Вон как весело о нас пишут.

– Так тут, как я слышал, Плохин руку приложил...

– Плохин?.. Плохин кто? – исполнитель, а Быхан – руководитель. Завод совсем завалил, да ещё это... – Татарков потряс газетой. – Пусть убирается в своё Подмосковье, там устраивает грязелечение. Словом, Витя, готовься.

Хлопотушкин был в смятении. Он хорошо знал дела на Керамике, в которую входили два цеха – Кирпичный и Керамический по производству облицовочной плитки. Самые трудоёмкие производства, где мало того, что всё построено на мышечной силе, так ещё и всякие ущемления, как финансовые (как, впрочем, и на всех производствах), так немало и моральных. На каждой планёрке язык Татаркова не забывал поддеть Быхана.

– Где кирпич, где плитка, я тебя спрашиваю?

– Воруют, Родион Саныч, – отвечал директор завода с партийной прямоотой.

– А ты у меня там на кой?.. Организуй охрану.

– Давайте штатное расписание и фонды под неё – и хоть сегодня.

– Вы поглядите, какой он умный, а! Сам выкручивайся, сам сторожи. Начальников цехов и мастеров заставляй. Добровольные дружины создавай.

– Создавал.

– И что?

Быхан усмехнулся.

– Так почему-то не хотят они бесплатно сторожить.

– Вот вам и ответ, – резюмировал генеральный. И обращался к аудитории: – Вы что-нибудь понимаете? Нет, вы понимаете, что это за руководитель? Организовать у себя не может элементарных вещей. Не-ет, так дальше жить нельзя. Но я тебя научу. Помогу решить этот вопрос. Вот, при всех обещаю.

И, похоже, угроза теперь воплощается в дела. Видимо, последней каплей терпения Татаркова стала вот эта статья в областной газете "Знамя".

Виктор Михайлович призадумался. Это куда же он попадает?.. Прощай спокойная жизнь. Цех "Муки" ему будет сниться благодатью.

– Что, Витёк, призадумался? – спросил по-отечески генеральный. – Не печалься, всё будет у нас с тобой там нормально. Ты молодой ещё мужик, справишься, я в тебя верю. Вон, цех какой у тебя – всем на зависть. И тут людей подтянешь, воспитаешь из них передовиков и энтузиастов. Тебе Керамику доверяю.

"Чтобы быть энтузиастом, руки не надо этим энтузиастам оббивать!" – пронеслось в голове новоявленного директора. Но сказал о другом:

– Честно говоря, я это производство слабо представляю. Да и образование среднетехническое, не высшее.

– А у меня что, высшее специальное? Высшая парт школа да автодорожный техникум. А ничего – управляюсь. Главное в нашем деле настрой, энтузиазм, напор. Программа Партии под рукой на ближайшую пятилетку? – под рукой. В ней все направления. Да мои коррективы к ним – по ним и рули. Так что справишься. Я верю. Ты ж партийный человек. А партия сказала, ты, что должен ответить?..

Виктор Михайлович покачал головой.

– Так что – вперёд! И с той же деловой хваткой, как и в цехе.

– И потом, с охраной, как-то вопрос решать надо? – задумчиво проговорил Хлопотушкин.

– Решим эту проблему, Витя. Я тебе помогу.

Хотел спросить: "Как Быхану?.." А спросил о приемнике:

– Кого вместо меня на цех?

– Хм, найдём кого, не переживай, – усмехнулся Татарков. – Есть у меня один кадр на примете, тебе он понравится.

Уходил Хлопотушкин от генерального директора в расстроенных чувствах. Отказаться от столь завидной перспективы было невозможно. Или увольняться. И он начал проигрывать варианты увольнения и варианты трудоустройства. Можно устроиться где-нибудь на соседних родственных предприятиях. Многих из руководителей он знал, ездил не раз к ним по производственным делам. Но вот так вот, сразу, от налаженного производства, спокойной работы уходить... было обидно и досадно. Какая-то роковая несправедливость как будто бы нависла над ним.

Эх, ай-я-яй, что же ты наделал наш писатель, Крючков Геннадий Миронович...

13

Павлу Павловичу Шилину на дом пришло письмо из райсобеса.

Он только что вернулся с дачи, где почти сутками проживал и по хозяйственной необходимости и по охране своих животных. Чем глубже углублялась Перестройка в стране, тем беднее становилось в магазинах, а отсюда, как следствие, воровство, грабежи на дачах.

Ещё не распечатывая письмо, он запотирал ладонями. Ага, сработало!

Павел Павлович, растягивая удовольствие и в предвкушении доброго известия, расположился за кухонным столом, где жена ему готовила ужин. Приладив к глазам тяжёлые очки в роговой оправе, стал вскрывать конверт с красным ведомственным штемпелем.

На листе писчей бумаги скреплённой печатью были всего лишь три строчки.

"Уважаемый Шилин Павел Павлович, просим вас прибыть в райсобес к 14.00 часам, в кабинет № 13.

При себе иметь документы: паспорт, трудовую книжку.

Дата. Подпись".

– Та-ак, ёлки-моталки, – заулыбался довольный этим сообщением Шилин.

– Что там, Паш? – спросила Пелагея Карповна.

– Та-ак. Ишь, змеи. Не на того нарвались. – Последнее относилось к администрации комбината, к сотрудникам отдела кадров и лично к его начальнику Подгузину. – Думаете на вас нельзя найти управу?.. Найдё-ом.

И передал содержание письма жене Пелагее Карповне.

– Прибыть тринадцатого – это, значит, на следующей неделе. То есть во вторник, – подытожила она.

– Поеду!

Конечно, поедет. Всё оставит, хозяйство, своих коз, и поедет.

– Тебе, Карповна, придётся пасти коз, пока я буду ездить в собес.

– Надо подсчитать, как я буду работать. Не то подменяться придётся, отпрашиваться.

– Подмениссся. Отросиссся.

Выйдя на пенсию месяц назад, Шилин взялся за подсобное хозяйство, за личное подворье. Пенсия была небольшая, жёстко установленная правительством – сто двадцать рублей, и потому, пока есть силы, решил увеличить её за счёт прибыли на личном подворье. Решил разводить коз и овец – себе на жизнь и детям-внукам на гостинцы.

У Шилиных были три дочери: старшая была замужем, родили уже двух внуков-погодков, и жили в Подмосковье. Средняя – после железнодорожного училища работала проводницей поездов. Младшая – в Туле, учится на кондитершу, на пряности потянуло.

В свои пятьдесят шесть лет Павел Павлович не чувствовал себя выболевшим. К косе, к топору ещё смолоду обучен, от молотка руки тоже не отвыкли, – работа на шаровых и молотковых мельницах ловко их приладила к этому инструменту. На таких аппаратах без универсальных инструментов просто нельзя обойтись. Гаечки на них такие, что ударный ключик на "тридцать шесть" и "сорок один", игрушкой кажутся. Кувалдочкой, бывало, так их обзвонишь, что руки по самые плечи радуются. Особенно, в ремонт.

А ремонтировать приходилось частенько, особенно на шаровых мельницах, поскольку оборудование, наверное, старше его самого, и запчастей нет. И хоть руки постанывают по ночам, но по гвоздику и сейчас бьют, не промахиваются. На даче перестроил сарай, огородил загон досками и горбылём – выписал на комбинате, то, что «подешевше», – и в итоге сарай (все это

на дачном участке в пять соток) был удобный, помещение тёплым, и от нынешних обитателей жалоб не поступало.

Ноги тоже ещё не истоптал, пасти коз годятся. По буеракам старого карьера, оставшегося от разработок известнякового камня, заросшего буйной молодой зеленью, ещё могут попрыгать. Так что не во вред своему здоровью поработать даже нужно. В труде и заботе на старости лет жизнь не так ломотной покажется. Некоторые, выходя на пенсию, глядишь, через год-два в больницы и аптеки дорожки набивают едва ли не через день. Да разве ж это жизнь на заслуженном отдыхе? Надо прилаживать себя к делу, к чему-то полезному. А так...

Павел Павлович, по его мнению, поздно ушёл на пенсию. В пятьдесят бы пять, как и положено ему было по вредности – в самый раз. А в пятьдесят шесть с полтинником – поздновато. Это бы что он мог за этот год поделывать? Как бы мог жить?.. Так нет, отдел кадров комбината протянул. А проще сказать – украл этот годок с хвостиком.

Вначале, за год до пенсии, сходил к начальнику Отдела Кадров, к Подгузнику. Доказывал ему, что, мол, есть у него вредность. Но Подгузин (в народе – Подгузник) ни в какую.

– Нет у тебя вредности. Не идёт цех Муки по второму списку.

– Как не идёт? Федя Борисов пошёл в пятьдесят пять? – пошёл. А на соседнем карьере по выработке известняка идут? – идут. А я чё, из другого замеса?

Андрей Андронович глянул на него с усмешкой. Хотел ответить: "Из дерьмового!" Не любил он работать с жалобами, особенно если они связаны с упущениями в его работе, в его отделе. А "прокол" отдела он понял, но поздно уже его исправлять – на глазах обнажать свою некомпетентность. Обойдётся, не велик барин.

– Вот и иди туда работать.

– Ага, спасибо. Вовремя, однако, подсказали.

– Ладно. Иди. Думать будем.

Это было первое посещение. Потом, когда до пенсии оставалось полгода, ещё зашёл – думают. Потом за месяц до пятидесяти пяти.

– Ну, как? Придумали что-нибудь, Андрей Андроныч?

– Нет ещё. Что думаешь, так просто что ли? – ответил вопросом на вопрос Подгузин.

В канун юбилея зашёл – тот же ответ. Вся голова в думах, как в ракушках. Опять доказывать принялся, а тому хоть кол на голове тещи. Словом: словом по слову, ладонями по столу – и послал он Шилина из ОКа по накатанной дорожке.

Обиделся Павел Павлович на Подгузника. Очень осерчал. И решил сходить к Татаркову.

Генерального директора Шилин знал давно, как и тот его. Татарков ещё механиком в автогараже бегал. Потом партторгом стал – вначале гаража, потом – Карьера. Не раз на ДСЗ партийные и профсоюзные собрания организовывал. Тогда свой голосище обрабатывал. Проводил в массы политику партии и правительства. Ну и, естественно, особо говорливых примечал. Вроде бы спрашиваешь о наболевшем, о зарплате, что-нибудь по улучшению условий труда, о быте, о жилье, а в ответ – ответ с партийной прямоотой:

– Ты, Шилин, в каком веке живёшь? Ты посмотри, чем страна живёт, что нового в ней происходит? Какие цели, какие планы! А ты, только и знаешь – зарплата, переработки... Не посоветски, не сознательно. Работай лучше, планы делай, муку на удобрение, чтобы в колхозах и совхозах поля обеззараживать было чем, от проволочника избавляться. А когда урожаи поднимутся, тогда страна богаче будет, вот тогда и тебе жить веселее будет. И нам всем. Работай, Пашка! От всех и каждого наше благосостояние зависит. Понял? Вот так-то. Думать надо... Работай лучше.

Тогда и заметил он Шилина. И вроде бы без обид и зла.

14

Татарков приём по личным вопросам граждан проводил скопом. В коридоре второго этажа и приёмной, в отведённый день, обычно субботний, народа всегда собиралось много – предприятие развивающееся, строящееся, – и генеральный директор вызывал по десять-пятнадцать человек сразу.

Директор жал на кнопку у себя под столом – в приёмной оживлялась Нина Михайловна.

Она выходила из-за секретарского стола, становилась возле двери кабинета и отсчитывала группу, как животных, по головам. Запускала отобранный коллектив, закрывала за ними двери и тут же садилась за свой рабочий пульт со стрекочущей пишущей машинкой "Ятрань". Иногда она включалась в собеседования, отвечая на предварительные вопросы. И эти минуты становились облегчением для ушей, находящихся в замкнутом пространстве, то есть от трескотни пишущей механической машинки с электрическим приводом.

Шилин бывал не раз на приёме у Татаркова. Когда квартиру получал, когда получал дачный участок, когда хлопотал стиральную машинку, когда выписывал навоз с подсобного хозяйства. Если по первым трём бессчётное количество, то по последнему вопросу – только дважды.

– Пашка, я не готов тебе сейчас ответить. Зайди где-нибудь через недельку-другую. Договорились?

Такое панибратское обращение, вызвало у Павла Павловича горделивое чувство. А директора в глазах присутствующих делало демократичнее, и вызывало к нему уважение.

В следующее посещение:

– Паша, думаем. Ты задал мне хорошую задачу. Ведь дерьма у нас там, озёра. А почему бы и не на огорода, а? Жди.

От этой встречи Павел Павлович даже возгордился, – как же, стал невольным генератором идей.

Через неделю, боясь упустить весеннюю подкормку земли перед копкой огорода, Павел Павлович съездил на велосипеде на подсобное хозяйство, и решил вопрос без всяких головоломок. Без большой зауми и заявлений. Переложил из своей сумки в сумку тракториста две бутылки самогонки, "жидкая валюта", и в тот же день навоз был доставлен ему на дачный участок.

То, что Татарков к Шилину имел некоторую слабость, это прослеживалось. Видимо, их встречи на собраниях не прошли бесследно. Установилось между ними: со стороны директора – снисходительно покровительственное отношение; со стороны Шилина – товарищеское, подчинённое. И поэтому была надежда, что и на сей раз, эти отношения помогут ему в разрешении вопроса с пенсией.

В один из субботних дней, не рабочий, что на комбинате явление крайне редкое, Шилин, пройдя пересчёт, был пропущен Ниной Михайловной в кабинет директора.

В кабинете Павел Павлович вышел первым на линию огня, и сразу же попал в поле зрения старого товарища.

Оказывается, Татарков был осведомлён о его хлопотах и, едва толпа ввалилась в кабинет, он заговорил первым.

– Пашка, я в курсе. Работаем по твоему вопросу. Не скажу, что скоро решу его. Но для тебя всё сделаю, что смогу. Думаем. Потерпи. Ты меня знаешь.

– Знаю, Родион Саньч.

– Вот и договорились. Вот перед всеми обещаю – решим твой вопрос, Пашка, – показал Татарков пальцем на присутствующих людей, просителей и соискателей. – Пойдёшь на пенсию. Пойдёшь на заслуженный отдых, Паша.

– Спасибо, Родион Саньч.

– Пока ещё не за что. Я думаю, а ты работай.

Через три месяца заглянул в Отдел Кадров. Но не к Подгузнику, а к заместителю его. С этой одиозной личностью встречаться не хотелось. ("Одиозный" – какое красивое слово, даже материться не надо.)

Но не всё ведомо и уважаемым людям. В обход, видимо, её решается его вопрос.

Пытался что-нибудь выяснить у Нины Михайловны. Но и она была столько же информирована и на всякий случай предупредила:

– Потерпи, Паша. Раз директор сказал, значит, думает, как это дело лучше обстряпать. – И посоветовала: – Ты к нему лишний раз-то не суйся, не зли. А то схлопочешь себе по лысине. Совет секретарши он принял к сведению и лысину не подставлял.

15

В конце года всё же решил сходить на приём. Сколько можно ждать? Попытался затеряться в толпе посетителей и пройти в кабинет. Но при пересчёте голов, Нина Михайловна его обнаружила. Видимо, лысина выдала, блеснула ярко.

– Ну, я же тебе говорила – подожди, – недовольно проговорила она, едва не прикрыв перед ним двери кабинета.

– Нина Михайловна, я только на два слова. Я – ему, он – мне. И всё!

– Ох, Пашка! Влетит и тебе и мне.

– Я только спрошу – и сразу в сторону.

Секретарша строго покачала головой и смилостивилась.

– Только тихо.

– Да вот, ей-богу!

Это ещё надо подумать, кто там будет шуметь?..

Татарков вышел из-за стола, оглядев посетителей, тут же в уме отсортировал: на тех, кто пришёл трудоустроиваться, а кто из местных, по меркантильным вопросам. Кому уже знал, что ответить, а кого поманежить. И старался перемежевать разговоры между своими и чужими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.